

АЛЮНА
ЗЕЛИНСКАЯ

Черная
королева

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ

Чёрная королева

Ляна Зелинская

Чёрная королева. Ледяное сердце

«Ляна Зелинская»

2022

Зелинская Л.

Чёрная королева. Ледяное сердце / Л. Зелинская — «Ляна Зелинская», 2022 — (Чёрная королева)

Седьмой год страшный зверь уничтожает людей вдоль границы с Лааре. Седьмой год королева ведет войну с этим упорным горным княжеством, прячущим страшного зверя. Остался последний рубеж – перевал Олений рог, но войска королевы не могут его взять. Дочь генерала – Кайя, становится, волею случая, добровольной заложницей в этом противостоянии. Чтобы спасти отца, она отправляется в Лааре, и ее жизнь дает противникам передышку – до весны, пока на перевале не растает снег. Таковы условия договора. Но передышка будет, только если Кайя останется жива. А как выжить, когда все вокруг хотят тебя убить? Как выжить, когда все вокруг тебя ненавидят? Как выжить рядом с чудовищем, разрывающим людей на части? И что делать, когда тебя саму на части разрывает любовь к непримиримым врагам? По мотивам сказки «Красавица и чудовище».

© Зелинская Л., 2022

© Ляна Зелинская, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Зверь	6
Глава 1. Мельница	6
Глава 2. Допрос	10
Глава 3. Деликатное дело	15
Глава 4. Пожар	22
Часть 2. Невеста	28
Глава 5. Рокна	28
Глава 6. Обещание	38
Глава 7. Лучшая партия	41
Глава 8. Маскарад	47
Глава 9. Обмен	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ляна Зелинская

Ледяное сердце

Пролог

Горца поймали случайно.

Считай, повезло. То ли он зазевался, то ли камни в этот раз умолчали, а может ветер дул с нужной стороны, но подкрались к нему незаметно как раз в тот момент, когда он выкладывал свои треклятые руны, чтобы устроить обвал.

Внизу ярилась и пенилась Серебрянка, зажата в каменные тиски ущелья, и как раз над тем местом, где через своенравную реку был переброшен массивный айя́ррский мост, он и колдовал прямо на земле посреди редколесья кривых сосен. Уже и круг почти закончил, когда из-за густых кустов барбариса на него свалились разведчики Урлаха Белого.

Дрались жестоко.

Горец хоть и был пойман врасплох, но в храбрости и ловкости отказать ему было нельзя. Балансируя на самом краю пропасти, он короткой саблей и кинжалом уложил сразу двух разведчиков. Прыгнул, перевернувшись в воздухе дважды, упал на землю, как ястреб и покатился кубарем под ноги нападавшим. Расстился ящерицей на каменной крошке, крутился юлой, то припадая к камням, то подпрыгивая, перекатываясь кувырками, пока не сбил с ног и не заколол третьего разведчика. Да так ловко – глаз не оторвать. Боевой танец айя́рров – зрелище завораживающее. И численное превосходство врагов его не пугало, лишь сверкали карие с жёлтым обводом глаза, когда он, пригибаясь к земле, совершал очередной молниеносный выпад.

Потеряли в итоге четверых, прежде чем удалось одному из разведчиков кнутом подцепить юркого горца за ногу в тот самый момент, когда он собирался броситься в реку, оттеснённый к самому краю обрыва. И хоть прыгать отсюда в Серебрянку – чистой воды самоубийство: внизу ледяная вода, острые скалы и пороги, но никто не сомневался – прыгнет, зазеваясь они хоть на миг. Айя́рры – настоящие демоны, помешанные на своём Законе чести. Быть пленённым – что может быть хуже для горца?

Повалили на землю и били в сердцах чем попало – кулаками, ногами, кнутом, пока Урлах Белый не крикнул:

– Хватит! Он нам нужен живым.

С пленника сняли все амулеты, ремень и сапоги, перетряхнули карманы в поисках оберегов и потайных ножей, завернули его в плащ, а уж после того в шести местах связали верёвкой.

Он молча сплёвывал кровь. Только зрачки следили за ними, то вытягиваясь вертикально, то сужаясь до точки. И ноздри раздувались лихорадочно, выпуская с шумом воздух. Урлах, вытряхнув снедь из холщового мешка, надел его пленнику на голову и пробормотал сквозь зубы:

– Неча таращиться, проклятый айя́рр.

Злые были все, конечно, ведь четверо убитых. Но Урлах Белый хоть и крыл горца на чём свет стоит, был, казалось, даже доволен и, подбрасывая в воздух снятую с пленника чёрную серьгу, ухмылялся в пышные усы:

– Генералу понравится, смотри-ка, – подброшенная серьга шлёпнулась на ладонь, – обсидиановая! В кои-то веки мы поймали самого каменного шептуна! Заклинателя камней! Хех! Давайте-ка по коням, в лагерь надо попасть засветло.

Он расшвырял ногой камни, собранные в небольшой круг горцем, сплюнул смачно, растёр сапогом и вскочил на лошадь. Дорога до лагеря генерала Альбы длинная, а солнце уже низко. И лучше им здесь не задерживаться.

Часть 1. Зверь

Глава 1. Мельница

Мельница стояла поодаль, скрытая с дороги густой порослью чернотала и старыми вербами. Сквозь шум ручья доносился монотонный стук лопаток деревянного колеса по воде, да визгливое поскрипывание давно не смазанного вала.

– Стойте! – капитан Дарри Абалейн махнул отряду рукой и остановился.

Понюхал влажный осенний воздух и, закрыв глаза, вслушался. Лошадь беспокойно прыгала ушами, топталась на месте, не соблазнившись даже пятаками тут и там зеленеющего клевера, и нервно подрагивала шкурой.

Лошадь не обманешь.

– Он здесь, – Дарри приложил к губам палец, показывая остальным, чтобы замолчали.

Съехал на обочину подалее от покрытой рытвинами дороги. Телеги, что возили зерно на мельницу, размесили её в грязь, и от недавних дождей и сам Дарри, скакавший с отрядом уже вторые сутки, их лошади, сумки – всё было в этой грязи, покрывшей их с головы до ног.

Спешились быстро. Каждый в отряде знал, что нужно делать. Коней привязали к коряге, плащи и шляпы бросили тут же на вытоптаный скотом луг. Вынули сабли, приготовили арбалеты, развернули сеть и обошли ивняк, растянувшись цепочкой. Дарри шёл первым.

Перед мельницей зеленела отрастающей травой выкошенная лужайка, усыпанная красными листьями клёнов. Поодаль начинался длинный амбар из плохого тёса, серый от времени и норотивший сползти одним краем с подмытого ручьём берега. Вокруг обвисшего угла на вбитые в землю колья были натянуты верёвки – удерживали стену, чтобы совсем уж не рухнула. Дарри нырнул под одну из них и осторожно выглянул из-за угла амбара.

На перилах небольшого мостка сохли пеньковые мешки, поперёк тропинки стояла гружёная бочками телега, но работников видно не было. И Дарри кожей ощущал странную тишину этого места.

Мёртвую тишину.

Ни лая собак, ни людских голосов, ничего, кроме неровного стука мельничного колеса...

Быстро пересекли лужайку, остановились в тени второго амбара. Дарри снова принюхался. Густой сладковатый запах застилал всё вокруг.

Зверь здесь. Совсем близко.

Нить вибрировала натянутая до предела.

Капитан махнул рукой, отдавая знак сначала обследовать амбар. Шли на цыпочках друг за другом, трое последних несли сеть. Внутри оказалось пусто, темно и пыльно. Лишь большой квадрат света от распахнутых ворот падал на глинобитный пол перед входом. Зверя не было, и только на куче зерна копошились рыжие куры во главе с хохлатым петухом. Увидев незваных гостей, петух удивлено заклекотал.

Дарри вздрогнул от неожиданности и махнул на него саблей.

Надо будет потом бабку оторвать этой птице!

Странно, что мельник позволял рыжим разбойникам хозяйничать в зерне, предназначенном на муку. Впрочем, если Зверь побывал здесь, то мельнику уже всё равно.

Справа от амбара виднелась сломанная коновязь – остаток уздечки с кровью и ни одной лошади. Разбежались.

Страх сильнее боли.

Капитан махнул своему отряду. Они бесшумно перешли мостки, оборачиваясь и оглядываясь по сторонам, и двинулись к дому – каждый настороже, с оружием наизготовку. Колесо,

издавая мучительный скрип, хлестало чем-то по воде. Ард, один из разведчиков, наклонился и посмотрел.

– Капитан... – тихо окликнул он Дарри и показал глазами вниз.

Прямо за каменной кладкой, удерживающей рыхлый берег ручья от обрушения, лежала первая жертва. Вернее, её часть.

Дарри привстал на колено, делая всем знак замереть на месте. Дотронулся до травы рядом, окунул пальцы в кровь.

Они опоздали. Пожалуй, на час, не меньше. Кровь уже остыла и почти свернулась.

Тело принадлежало, видимо, рабочему с мельницы: вытертые подошвы дрянных сапог и штаны из линялой холстины на завязках, даже без ремня. Верхней части тела не было. Тёмная полоса крови тянулась по траве вниз по склону прямо к бурлящей воде, и там, где большое осклизлое колесо погружалось в неё, виднелось то, что осталось от туловища и головы. Рубаха намоталась на вал, а стёганая ошанка повисла на колесе, и каждый раз, поднимаясь, оно шлёпало по воде.

Сзади раздался странный звук. Дарри повернулся и увидел, как Мартина – разведчика, которого им впервые пришлось взять с собой, рвало в кустах жимолости. Он покосился на Бёртона и указал многозначительно на бедолагу глазами: «Присмотри за ним».

Впервые видеть, что сделал Зверь, тяжело. Только вот Дарри видел это уже много раз. И каждый раз, увы, он оказывался на месте чуть позже, чем нужно. На какие-то полчаса – час, но позже. Однажды он был очень близко, настолько, что почти видел его – кровь ещё была горячей и, вытекая из тел, дымилась, а её железистый запах застилал всё вокруг, перебивая даже сладковатый запах самой твари.

Дарри поднялся с колена, вытер пальцы пучком травы и пошёл в дом.

Нить слабела. Зверя здесь уже нет.

Бёртон последовал за капитаном, держа саблю и кинжал наизготовку. Просевшая дощатая дверь с узором из белых цапель, сорванная с одной петли, перегораживала вход. Дарри отодвинул её, и она ответила жалобным стоном, будто сожалея.

Внутри всё было перевернуто: лавки, сундуки, столы – всё расколото в щепья. Перед массивной белёной печью валялись опрокинутые ведра, и среди рассыпанной по полу муки рыжели осколки глиняных горшков.

А ещё кровь. Много крови.

Стены и потолок были просто залиты ею, и тут же, среди битых черепков, муки и щепок лежало то, что осталось от семьи мельника и двух его рабочих.

– Проклятье! – Дарри в сердцах выхватил саблю и рубанул ею ножку лежавшего на боку стола, потом ещё раз... и ещё, пока та не сломалась пополам.

Его переполняла злость.

– Капитан?..

Он обернулся. В дверях, глядя на жуткую картину, стояли Ард и Терри с серыми лицами.

– Что-то он от раза к разу всё сильнее лютует, – пробормотал Терри и вышел.

Ард потёр лоб тыльной стороной ладони и хрипло спросил:

– Что дальше делать будем, капитан?

– Общайте всё вокруг, какие следы найдёте – зовите. А я... осмотрюсь, – он стремительно вышел, на ходу пряча саблю в ножны.

Обойдя усадьбу, наткнулся за домом на ещё одно тело с оторванной головой, дошёл до леса, где запах слабел. Вернулся. Запах оставался сильным только вокруг дома, и Дарри посмотрел вверх.

Ну, конечно!

Подняв лежавшую вдоль фундамента лестницу, он взобрался на крышу. На старой, покрытой серой чешуёй лишайника и пятнами мха черепице, отчётливо виднелись полосы –

следы когтей, тянувшиеся выше, к самому коньку. Дарри полез по следам, словно одержимый, до самой балки, венчавшей двускатную крышу. Здесь запах был сильнее всего, и здесь же следы прерывались, оставив кровавые отпечатки. Нить дрогнула напоследок и растаяла.

Он улетел.

Дарри грязно выругался и, сплюнув в бессильной злобе, стянул перчатку и вытер ею лоб.

Плакали его сто тысяч ланей!

Целую неделю от деревни к деревне он шёл за Зверем, словно гончая, то теряя, то вновь поднимая след, а вчера тот стал настолько явным, что Дарри едва не загнал лошадей и свой отряд. И почти настиг его здесь, у мельницы. Следу было не больше двух часов, а место уединённое, и капитан надеялся, что Зверь спешить не станет. Потому что чем более глухими были места его преступлений, тем дольше Зверь оставался там.

На прошлой неделе Дарри не пожалел трёхсот ланей – пошёл к таврачьей старухе. Хотя за это ему могло и плетей достаться. Святой отец говорил, что против Зверя надо идти с молитвой и чистым сердцем, а не с колдовством и амулетами. Но Дарри был не такой дурак, чтобы верить в подобное. Святому отцу не приходилось встречаться со Зверем, а то бы он не был так уверен в убийственной силе молитвы. Зверь не брезговал и чистыми сердцами. Да и другими частями тела тоже.

А старуха не соврала. Сказала только, что половины от когтя Зверя слишком мало, чтобы сплести поисковую нить, но обещала попробовать. Утром дала ему холщовый мешочек на кожаном шнурке, Дарри заглянул внутрь – клубок шерсти и красных ниток.

– На шею повесь, красавчик, и не снимай, пока не найдёшь его. Дней пять-семь искать будешь, но она тебя приведёт, уж поверь, – рука старухи была тёмной и сморщенной, как сорочья лапа, но при этом горячей. Она похлопала его по груди и добавила: – В тебе есть толика силы, она будет питать нить, но недолго. Так что торопись.

И нить вела. Он чувствовал запах Зверя всё сильнее, знал куда ехать, на что смотреть, словно частичка Зверя появилась в нём самом. И мешочек на груди был тёплым, согревал. Дарри время от времени дотрагивался до него и чаще понукал лошадь.

А теперь вот он остыл. Развязав тесёмки, Дарри заглянул внутрь – шерсть и нитки превратились в труху. Он вытряхнул её на ладонь и со злостью отшвырнул в сторону.

Он так надеялся на удачу. Сеть прикупил у индагарского колдуна не простую, а с вплетённой нитью серебра и жилами чёрной ртути, стрелы с наконечниками из обсидиана, амулет «Серебряный страж» и кинжал с агатовой кромкой. И настойку иглицы пил каждый день. Да толку-то!

Чутьё не подводило, но Зверь каждый раз уходил прямо у него из-под носа. Будто насмехался! И теперь предстояло всё начинать сначала. Тварь сыта и до следующего полнолуния едва ли вернётся. Придётся ехать к генералу с пустыми руками. Да ещё прощайте сто тысяч ланей, обещанных королевой за живого Зверя!

А Дарри нужны были деньги.

Пожалуй, надо поймать того петуха да принести в жертву своей неудаче – отдать хозяйке на постоялом дворе, чтобы сварила похлёбку. Давненько он не ел приличной еды.

Капитан посидел немного на крыше, глядя опустошённо на бессмысленно скрипящее колесо мельницы и седые ели, нависшие над ручьём, а затем спустился вниз. Пройдя через двор, взобрался на каменную кладку низенького забора, достал саблю и принялся править её куском старого ремня. Это успокаивало и помогало собраться с мыслями. Он водил по клинку мягкой кожей, начищая и без того сияющий извилистый узор защитных рун, когда появился Бёртон.

– Капитан! Слышь? Мы кое-что нашли.

Дарри оторвал взгляд от собственного отражения в блестящем металле.

– Что там ещё?

– Девчонку. Живую!

Капитан одним молниеносным движением кисти перевернул саблю и, отправив её в ножны точным рывком, спрыгнул с забора.

– Где?

Живой свидетель впервые за четыре года! Это дорогого стоило.

– В печи пряталась. Грязная, как трубочист. Мы её чуть было не зарубили сами с перепугу-то!

Девчонка и вправду выглядела жутковато. Перемазанная с ног до головы, с торчащими из косы волосами, она рыдала и заикалась, размазывая сажу по лицу. Бёртон вывел её на улицу подальше от кровавого зрелища, посадил на край телеги и, не придумав ничего лучше, как сунуть ей в руки флягу, приказал:

– Пей!

Она выпила, захлебнулась, закашлялась и принялась рыдать ещё сильнее. От девчонки, вмиг разомлевшей от крепкой настойки Бёртона, узнать толком ничего не удалось. Зверя описать она не могла, тряслась, как осиновый лист, путаясь в словах. Было понятно только, что она его всё-таки видела, и что он большой и очень страшный.

Когда всё началось, она слышала, как взвыли собаки, а лошади, обезумев, заматались на коновязи. А потом что-то ворвалось в дом, и она спряталась в печи, прикрывшись заслонкой.

– Возьмём её с собой, – Дарри натянул перчатку, – думаю, за пару дней она успокоится и что-нибудь сможет рассказать. Тут её всё равно оставлять нельзя.

– А с телами что делать? – спросил Ард.

– Сожгите всё тут пока никто не видел. Не хватало, чтобы в Ирхе паника поднялась. И того из реки вытащите тоже, положите к остальным. Мартин! Девчонку ты повезёшь.

Дарри пробормотал короткую молитву, взывая к Тёмной Деве, чтобы приняла невинные души, и пошёл к оставленным за ивняком лошадям.

Девчонка – это хорошо. Нить должна получиться отменная.

Глава 2. Допрос

За грубой тканью шатра кто-то возился, собирая оброненные дрова и котелки и бормоча под нос ругательства. Генерал оторвал взгляд от бумаги и, нечаянно посадив на письмо жирную кляксу, в сердцах крикнул:

– Вот каналья! Барк? Это ты?

Но и так было понятно, что за пологом отирался его подменный адъютант – косорукий увалень Барк.

– Вашаслость? – наконец, из-за плотной занавеси просипел Барк, и, очевидно, это значило «ваша светлость».

– Чего ты там мнёшься? Да заходи уже! – раздражённо произнёс генерал, разглядывая испорченный свиток.

Придётся переписывать – королеве письмо с кляксой не пошлешь. А переписывал он его уже третий раз, тщательно подбирая слова – обёртку, в которую хотел покрасивее завернуть горечь недавнего поражения. И предыдущие свитки, хоть и без клякс, уже отправились в жаровню, стоявшую тут же неподалёку. Красиво написать не получалось. Сто двадцать убитых и столько же раненых во время последнего штурма. Битва за перевал Олений Рог была долгой и кровавой, и они трижды были почти на вершине, и трижды ла́рцы отбрасывали их назад к подножью. И вот позавчера все вернулись на свои изначальные позиции. И как написать об этом красиво?

Олений Рог – предпоследний рубеж горцев, если бы они взяли его до зимы, то война была бы почти выиграна. Только это «почти» маячило перед генералом третий год. Каждый камень, каждый квард земли, каждое ущелье этих проклятых гор были пропитаны кровью его солдат. И королева сердилась...

Барк с вязанкой дров потоптался на пороге, точно стесняясь своих сапог, перемазанных глиной, и, стараясь занять как можно меньше места, втянул голову в плечи.

– Урлах Белый просил доложиться. Горца поймали, вашаслость. Привели только что в лагерь. Просят вас прибыть. Допрашивать или как?

Генерал нахмурил лоб и отложил перо.

– Или как. Скажи, пусть ждут. Иду уже. Да проследи, чтоб колдуна этого не пускали к нему. Я сам.

В прошлый раз он сглумил, пустил поперёд королевского дознавателя. Тот готовился долго, выл и водил руками, иголки разложил, шептал что-то под нос, траву жёг, да только вышло всё боком. Тот горец, которого допрашивали, вдруг скукожился, что печёное яблоко, согнулся, сгорбился и высох весь. Чучело чучелом стал, одна серая кожа, как крылья нетопыря, повисла на костях. Как потом колдун сказал – в камень ушёл. И вот для чего, спрашивается, тогда нужен этот колдун? Вот чтобы в камень никто не уходил, для того и нужен. А допрашивать с пристрастием его люди и так умеют. Но вот же – королевская прихоть с колдунами возиться, только зря почём коз режут раз в неделю да на кишки смотрят.

– А колдун уехал в Мýрен, – Барк сложил дрова у жаровни, потрогал остывший уже чайник и расшевелил тлеющие угли.

– В Мурен? Это ещё зачем?

– Сказал, за чёрной козой.

– У нас тут что, чёрной козы не нашлось?

– Нет, вашаслость, только мышастой масти остались, он чёрных-то всех, почитай, порезал.

– А почему сам поехал, а не послал кого?

– Не знаю, вашаслость, да я и не спрашивал, потому как боюсь я его.

Генерал мысленно выругался. Не дело это, когда человек колдовством занимается. Не людское это дело, если уж точно сказать. Это когда айяаррское отродье колдует понятно – им всем место на костре или виселице, а совсем другое, когда люди. И это новое королевское веяние – при корпусе колдуна держать – совсем делу не помогало. Но поперёк королевского указа не пойдёшь.

Раньше и святой отец был против, да только за это его быстро отослали куда подальше, заменили на более покладистого. Так что нынешний не замечает ни колдуна, ни чёрных коз, ни петушиной крови и красных ниток, привязанных на деревьях. Только люди шепчутся и держатся подальше и от походного храма, и от колдуна. Да болтают всякое.

– Ладно, скажи, буду сейчас.

Барк исчез в тот же миг. Исчезать у него получалось гораздо быстрее, чем появляться, и гораздо тише. Генерал, выйдя из шатра, потянулся и поёжился. Небо на западе разлилось закатным багрянцем. В ущелье над рекой соболиной шкурой расстелился густой туман, сквозь который зловещей щетиной торчали чёрные пики елей, и над треклятым Оленьим Рогом засияла россыпь Лучницы. Издевалась над их неудачей, целясь остриём прямо в лагерь. А поверх неё, как королевская тиара, возвышался тонкий серпик месяца рогами кверху. Значит, дождей не будет ещё долго. И то радость.

Успеть бы до зимы...

Осень в горах подбирается быстро. Сегодня утром генерал заметил, как за ночь пожелтели буковые рощи у подножья хребта, и первый журавлиный клин потянулся в сторону юга. Времени совсем мало. Потом перевал занесёт снегом, и останется только ждать весны и надеяться, что за зиму окаянные горцы не наберутся достаточно сил.

Из лагеря доносился запах дыма, каши с мясом и сапожной мази. Перед полевой кухней большой костёр лизал небо огненным языком, трещали дрова, и под бречанье чьей-то расстроенной дзуны хриплый голос напевал песню про найденный клад.

Генерал подошёл к костру. Все вскочили в приветствии, даже босой Рүэн, чинивший сапог, отшвырнул дратву и шило и отдал честь.

– Сидите, – махнул генерал.

Горец стоял тут же, связанный, ногами в большой деревянной бочке с водой. В прошлый раз колдун сказал так делать, чтобы пленник в камень не ушёл, бормотал что-то про разделение стихий. И раз горец всё ещё тут, значит, колдун был прав, но, может, горец ещё жив только потому, что колдун уехал в Мурен и не успел его допросить?

Генерал помедлил, разглядывая пленника. Не старый ещё, хотя у айяарров по лицу возраст не определишь, невысокий, коренастый, кустистые чёрные брови скрывали хитрый прищур карих с жёлтым обводом глаз. Лицо его распухло от побоев, один глаз наполовину заплыл, а на щеках засохли кровавые следы – видно, что достался он ребятам Урлаха не даром. Рядом валялась его куртка, подбитая мехом рыси, берет с пером цапли, ремень и сапоги.

«Клан заклинателей, надо же! Какая удача!», – подумал генерал, разглядывая длинную каплевидную сергу из обсидиана, лежавшую поверх куртки.

За те семь лет, что он воевал с горцами, научился уже разбираться в клановых знаках. У каждого клана свой камень. У этих – обсидиан, чёрная кровь. Клан заклинателей – самый близкий к верховному айяарру и самый опасный. Болтали про них всякое: что камень умеют оживлять и заговаривать, золотую жилу вывести на поверхность, находить алмазы. Сам он этого не видел, но слышал часто, а вот что устраивать обвалы и камнепады они умели – это он видел сам. В первый штурм Оленьего Рога на их передовой отряд упала скала, похоронив под собой больше сотни солдат...

– Как зовут? – спросил генерал, не сильно надеясь услышать ответ.

У этих горцев имена такой длины, что можно слушать до утра. Хотя и краткий вариант есть. Но оказать уважение горцу можно лишь назвав его полным именем рода. Только, зачем

оказывать-то? Да и не важно, как его зовут, всё равно он ничего не скажет. А всё спесь. Закон чести – Уána – главный для любого айяарра.

– Обрд, – ответил тот спокойно.

– Хм, – удивился генерал такой сговорчивости. – Где поймали?

– Возле водопада, – ответил Руэн, прилаживая подмётку, – четверых наших порешил, гадёныш!

Подошёл довольный Урлах с миской полной дымящейся каши, покрутил пальцем ус и коротко рассказал о стычке.

– Послушай-ка, Оорд, – генерал сел на перевёрнутый бочонок, взял из вязанки несколько хворостин и подбросил в костёр, – я могу сохранить тебе жизнь. Могу даже отпустить тебя, если ты скажешь мне то, что я хочу знать. Я много чего могу для тебя сделать. А ты можешь рассказать то, что мне нужно. Ты ведь наверняка понимаешь, что вам недолго осталось, и что до зимы мы возьмём перевал, затем долину, а к весне Лаáре падёт... Подумай об этом. Я щедро тебе заплачу. После ты сможешь вернуться в Лааре, будешь жить под началом нашей королевы. Ты нам не нужен, Оорд, нам нужен только Эйгер.

Генерал говорил медленно и спокойно, поглядывая то на костёр, то на пленника, пытаясь поймать на его лице признаки заинтересованности или хотя бы страха. Языки пламени, потревоженные свежим хворостом, заплясали, и костёр, изрыгнув сноп искр, радостно затрещал, пожирая угощение.

– Так что расскажешь мне, Оорд, что ты делал по эту сторону хребта?

– С камнями шептался, – ответил горец, пожёвывая губу и смотря на огонь, лицо его при этом было совершенно бесстрастным.

– И о чём?

– О разном, – он перевёл взгляд на генерала, – в основном узнавал, где вы и куда собираетесь дальше. После того, как мы вас разбили, несладко, поди, пришлось? – ухмыльнулся он самодовольно.

Руэн грязно выругался, сжимая в руке шило.

– И много узнал? – генерал махнул рукой Барку и велел принести горячего вина с перцем.

Ныли колени – туман, пришедший с реки, пробирал до костей. До чего же ему осточертели эти горы!

– Да достаточно. Зря вы стараетесь, всё равно я ничего не расскажу, знаете же.

И не рассказал.

Генерал пытался снова и снова, прихлёбывая вино, говорил о потерях лаарцев, о голодающих за перевалом женщинах и детях, о сожжённых деревнях, о том, что королева тоже не хочет войны...

– Если ваша королева не хочет войны, – прервал его Оорд, – то, что вы делаете здесь? На нашей земле? Уходите, и война закончится.

– Ты же прекрасно знаешь, что мы не уйдём, пока не возьмём Эйгера – чудовище, которое убивает наших людей вдоль всей границы. Того, кто рвёт на части их тела для забавы. Этой войной вы обязаны ему и вашему упрямству. Отдайте его нам, и война закончится в тот же день. Ты можешь её закончить, Оорд, достаточно лишь присягнуть королеве, – генерал сплёл пальцы, голос его звучал негромко.

– Пфф! – Оорд фыркнул как лошадь. – Отдать нашего эфе, верховного джарта проклятым кахóле?! Генерал, да вы, верно, перебрали этой перчёной бурды. Скажу только, что перевал вам не взять.

– Ты, Оорд, похоже думаешь, что все кахóле – дураки? – жёстко ответил генерал. – Но это далеко не так. Раз мои люди поймали тебя – главу клана Заклинателей, значит, плохи у вас дела, а? Как же ты не услышал ребят Урлаха? Что, ваши камни вдруг замолчали? Сила совсем ушла? Или, может, мы научились ходить так, что они нас не слышат? А может, вы разучились

слушать? Что от вас осталось? Только спесь! А от вашей силы? И вот эта гора, – генерал указал пальцем в сторону перевала, – последнее, что отделяет вас от поражения. Можешь не сомневаться, ещё до снега мы будем на той стороне.

Горец прищурился, глядя куда-то сквозь мятущееся пламя, и произнёс медленно, разделяя слова паузами:

– Я вот что скажу тебе... И, думаю, это всё, что тебе нужно знать... Когда настанет час, мы все выйдем... даже дети и старики. Каждый встанет и сольётся с камнями, и земля вздрогнет и сбросит вас, как собака блох. И мы все умрём там, на том перевале, но не пустим вас в долину, – голос Оорда звучал напевно и тихо, но было в нём что-то такое, отчего у генерала даже волосы на голове зашевелились, – мы все там погибнем... А ещё, – горец посмотрел генералу прямо в лицо, – мы заберём с собой всех вас.

Глаза горца, отражая пламя костра, стали совсем жёлтыми, точь-в-точь расплавленный янтарь. И было понятно, что говорить дальше не о чем.

– Мы возьмём перевал, хотите вы этого или нет. А теперь, раз ты не хочешь по-хорошему, Оорд, будет по-твоему.

Генерал встал и приказал Урлаху:

– Допросить с пристрастием! Да смотрите, чтобы остался жив до утра.

Потом выплеснул остатки вина в костёр. Горец был прав – вино и в самом деле перчёное пойло, Барку руки бы оторвать за такую стряпню. И быстрым шагом он вернулся в шатёр. Зловещие слова Оорда ещё звучали у него в ушах. До следующего штурма две недели, не меньше, а то и три. Ждать обозы с провиантом и оружием, подкрепление, да ещё одного колдуна в помощь от королевы. А что потом? Потом, если этот Оорд прав, а у генерала были основания ему верить, они все там погибнут. Раз сегодня Урлах смог взять самого главу клана Заклинателей, значит, в Лааре дела совсем плохи. Значит, они загнали проклятых айяарров в самый угол. А что остаётся зверю, загнанному в угол?

– Эй, Барк! Жабья твоя душа, где тебя носит?

– Тут я, вашеслость, – горбатая тень появилась из темноты.

– Разожги огонь, свечей ещё принеси, вина и поешь. И перьев.

Генерал достал ларец с письмами, перечитал два последних, затем порвал своё письмо, адресованное королеве, и, взяв чистый свиток и перо, сел писать заново:

«Милостью Богов, приветствую вас, Настоятельница Ладдёрис!»

Посылаю вам знак моей глубокой привязанности и уважения. Обстоятельства таковы, что вынуждают меня в самый кратчайший срок забрать вашу воспитанницу Кайю. Для чего я направляю к вам моего верного человека – Дарри Абалейна с эскортом, чтобы он сопроводил её как можно скорее в Ро́кн. Вместе с этим письмом я также посылаю вам полную оплату её обучения и проживания за последний год, а также и сверх того в благодарность за ваше терпение, доброту и заботу. Надеюсь, Боги будут милосердны ко всем нам.

Прошу вас по получении этого письма немедленно в тот же день отправить Кайю в путь. Это важно.

Прощайте. Всегда Ваши, Арджент Альба».

Генерал размашисто расписался, поставил оттиск своей печати внизу письма, и щедро присыпав его песком, взялся за второе. Он писал быстро и много, не отвлекаясь на дикие вопли горца, которые доносились со стороны лагеря – Урлах знал своё дело. Писал, подписывал, ставил печати и присыпал песком. К тому моменту, когда пятое письмо было дописано, за поломом раздалось громкое:

– Уйди, дурень, зашибу! – и в палатку без доклада вошёл капитан Дарри Абалейн.

Ночь уже сгустилась, стала чернее угля, даже вопли горца стихли – видимо, ребята Урлаха решили устроить перерыв. Дарри принёс с собой запах пыли и лошадиного пота – видно, что скакал весь день без усталости, и выглядел так, словно сейчас упадёт замертво.

– Добрый вечер, Ваша светлость! – стащил шляпу, махнув ею так, что перья лихо подмели пол.

– Добрый ли? – усмехнулся генерал. – Ладно, пусть будет добрый. Заждался я тебя уже. Садись, поешь и рассказывай. Какие вести?

Приглашать дважды не пришлось. Дарри снял плащ, ремень, саблю – всё бросил на походный сундук, стянул перчатки и, сев прямо на волчью шкуру, лежавшую на полу, без стеснения плеснул вина в бокал генерала и выпил.

– Дурные, я бы сказал, ваша светлость. Ещё одна деревня к северу от Ирха. Семь человек, – Дарри закусил вино утиной ногой. – Как же давно я не пил хорошего вина!

– Так же разорваны?

– Да, вся семья мельника и четыре работника. Но в этот раз он был как-то особенно лют, словно чувствует близкий конец. Ну и как всегда – никто ничего не видел, только следы. Лапы, когти – всё как раньше. Мы опоздали всего на час...

Дарри рассказал всё как было, умолчав лишь о том, что нашёл живого свидетеля. Ему нужен маленький козырь в этой игре. Таврачья старуха сказала, что девочку нужно оставить у неё до темноты. Тогда она сделает хорошую нить. Он и оставил. Да и какая польза с этой девочки генералу? Отдать её колдуну? От колдуна толку, как от тех козлов, которых он режет, молока. А с новой нитью Дарри уж точно возьмёт эту тварь. Будет подарок генералу, ну и ему обещанная королевой награда, жаль только, что ждать целых две недели.

– Ладно, всё равно ему осталось недолго. Держи. Для тебя новое поручение будет. Поедешь в Шерб.

Генерал протянул капитану кофр для свитков и кратко изложил суть дела. Дарри слушал и молчал, хотя по глазам было видно, что ушам своим он верит плохо, но переспрашивать не стал. Взяв кофр, поклонился.

– Когда прикажете уезжать?

– Немедленно. Эскорт возьми сам, кого нужно и сколько нужно. И помни – время дорого. Очень. Я вскоре тоже поеду к королеве, так что встретимся в Рокне.

– Разрешите идти?

– Иди. И ещё... никто не должен знать, ты же понимаешь?

– Не беспокойтесь, ваша милость, я нем, как рыба.

Дарри допил вино прямо из бутылки, сгрёб в охапку свои вещи и бодро зашагал в темноту.

Генерал вышел наружу вслед за ним. Долго стоял и смотрел, как Лучница прячет своё остриё за тёмную кромку гор, слушал, как ухает филин в ветвях за походным госпиталем, да перебрёхиваются где-то в зарослях орешника вездесущие лаарские лисы, падкие до объедков, как рычит и хрипит горец и изредка ругается Урлах. Сон не шёл. Тянуло холодом. Прогрогнув окончательно, он вернулся в шатёр, подбросил дров в жаровню и сел писать ещё одно письмо, да так и задремал за столом в ожидании утра.

А к утру горец сбежал.

Глава 3. Деликатное дело

Эскорт Дарри оставил на постоялом дворе на выезде из Шерба.

До Обители было всего пару квардров. Места тут тихие, до границы далеко. Не слышно отголосков войны, и про Зверя на каждом углу не судачат. Так что шестеро сопровождающих с их скабрёжными шуточками и праздным любопытством могут спокойно резаться в кости. В его деле они пока что были совсем лишние. Он взял только местного кучера и спозаранку покати́л по пыльной дороге в монастырь.

Утро было по-летнему жарким и красное зарево на востоке обещало знойный день. Вокруг города и до самой Обители по сторонам простирались поля: виноградные, розовые, лавандовые – владения монастыря и оливковые рощи. Кучер, меланхоличный старичок в потёртой кожаной жилетке, по лицу которого было видно, что чужие тайны ему неинтересны, монотонно понукал лошадей, и те бежали размеренно. Дарри сидел рядом на ко́злах, разглядывая поверх гнедых спин дрожащую в утреннем мареве громаду Обители, что занимала всю вершину холма. От её грязно-жёлтых стен разбегались во все стороны стройные ряды подвязанных лоз, как тугие косички в причёсках коринтийских модниц. Местное вино, густое и тёмное, стоившее на севере по три лани за бутыль, тут продавалось на каждом шагу. И вчера на постоялом дворе они воздали ему должное.

Дарри сорвал кисть, плотно набитую сизыми ягодами – терпкими и сладкими, с лёгким привкусом ежевики и тутовника. Только здесь, в Шербе, солнца столько, что оно превращает виноград в настоящий божественный нектар.

Письмо к настоятельнице он отвёз ещё вчера, надеясь забрать дочь генерала ранним утром, чтобы ехать не по самому зною и быстрее добраться в предгорья. Что ни говори, но дело было деликатным, а Дарри не любил деликатных дел. Хотя и служил у генерала уже шестой год, но такое поручение ему приходилось выполнять впервые, и потому закончить с ним он особенно торопился.

С какой бы стати генералу скрывать, что у него есть ещё одна дочь, да ещё и прятать её здесь?

Он всю дорогу думал об этом. Не секрет, что вокруг корпуса всё время отирались разные девицы, падкие до мужских ласк и жалованья. Некоторые маркитанки тоже не прочь были совместить продажу вяленого мяса, козьего сыра и муки с другого рода услугами. Но он никогда не видел и не слышал, чтобы к генералу приходили женщины. Дарри знал и жену генерала – леди Альбу, видел его сына и двух дочерей. Генерал был верен жене...

Тогда откуда ещё одна дочь?

Но и в том, что дочь генерала внебрачная, он почти не сомневался. А если она даже и не бастард, то либо больна, либо уродлива, либо калека. Обитель Та́ры славилась тем, что привечала всех обделённых судьбой, а местные сёстры и лекари могли ухаживать за несчастной девочкой.

Настоятельница вчера была не разговорчива. Правда, он прискакал поздно, на закате, и ворота Обители были уже заперты. Его пустили только потому, что он назвал имя генерала Альбы. Настоятельница приняла его в комнате с большим балконом, выходящим в сад, и пока она читала письмо от генерала, Дарри внимательно разглядывал, как выглядят воспитанницы Обители и чем они заняты.

Они сновали туда-сюда, все в одинаковых саржевых платьях, синих с белыми воротничками. Носили в корзинах овощи, стирали, вешали бельё, кормили кур. Под большим навесом стояли бочки, лавандовые снопы и корзины с розовыми лепестками. Послушницы готовили душистое масло. А слева, на втором этаже, сквозь балюстраду виднелись классные комнаты, в которых шли занятия. Но ничего, что помогло бы ему узнать тайну генерала, он не увидел.

– Завтра на рассвете можете её забрать, – настоятельница свернула письмо, пересчитала деньги и, указав рукой на дверь, добавила, – а теперь идите. Послушницы собираются к молитве и мужчине здесь не место. Сестра Анна проводит вас.

Тощая старуха со связкой ключей выпроводила его и заперла дверь. Быть провожатым больной девочки Дарри хотелось меньше всего, ведь дорога в Рокну длинная – семь дней пути, а нянька из него так себе.

Надо было Мартина взять, у того получалось ладить с детьми. Вот хоть с мельниковой дочкой.

Его отряд, состоящий из бывалых разведчиков, та ещё компания. Будут шептаться, обсуждать, выспрашивать у него. Потом слухи пойдут, а сплетни про генерала ему не нравились, потому что Дарри его уважал. Когда-нибудь он и сам хотел быть таким же бесстрашным, спокойным, уверенным в себе человеком, который не боится ничего и не имеет слабостей.

«Заберёшь мою девочку», – именно так он и сказал.

Вот в тот момент Дарри и понял, эта девочка – слабость. И ему это было неприятно – осознавать, что у генерала есть слабости.

Но зачем генералу понадобилось везти её в Рокну именно сейчас, когда грядёт последняя битва за перевал?

Всё это было странно.

Лошади взбирались по холму, и впереди медленно вырастали зубчатые башни – массивные стены из песчаника в паутине степного плюща, полукруглые арки и воротные столбы, увенчанные мраморными совами – символом этого места, поднимались вверх по мере того, как карета Дарри приближалась к подъездной аллее.

У самых стен лавандовые поля переливались от утреннего ветра лиловым шёлком, и густой запах цветов накрыл его с головой. Карета протарахтела по каменным плитам и остановилась перед главным входом.

– Обождите тут, сейчас выйдет, – ответил старик, сидевший у ворот.

Надо было ещё пряников купить и кренделей у торговки на площади. Или что там ещё положено детям? Ну хоть куклу какую-нибудь.

Дарри спрыгнул на землю и прошёлся вдоль стены. Вездесущий виноград был и здесь, более крупный, иссиня-чёрный, и он не удержался, снова сорвал кисть.

И сказать сопровождающим, чтобы не ругались при ней. Купить еды в дорогу, яблок, что ли... Зря вчера у настоятельница не спросил, что нужно.

У него были младшие сёстры, но их жизнью занималась мать, и Дарри никогда особо не интересовало, что они едят или во что играют. Как и положено маленьким знатым дамам у них были атласные ленты, платья с кружевами и куклы, шкатулки какие-то и вышитые платочки. И они любили сладкое. На этом познания Дарри о мире маленьких женщин заканчивались.

Он купил ей конфет – красных и жёлтых петушков на палочках и пастилы. Другого всё равно ничего не было, а как поедут мимо Талассы, там уж большая ярмарка есть и лавки...

Почувствовав, как кто-то смотрит в спину, он резко обернулся.

Она стояла в тени кареты с небольшим потёртым саквояжем в руках и холщовой сумкой, украшенной кистями. От неожиданности Дарри раздавил ягоду, и брызнувший сок испачкал ему руки и лоб. Он мысленно ругнулся, вытер ладонь о штаны, чего вообще никогда не делал, и от этого даже покраснел. Потому что ругнуться хотелось вслух, а было нельзя.

– Л... леди Альба?

– Кайя, – она робко улыбнулась и, видимо, не поняв удивления на его лице, присела в реверансе.

«Заберёшь мою девочку».

«Девочке» было около двадцати лет, и, глядя на неё, Дарри вдруг всё понял – почему Обитель, почему генерал это скрывал, почему послал его...

Незаконнорождённая. Полукровка. Веда.

Он смотрел на неё, растерявшись, и чуть было руку ко лбу не приложил в приветствии, а потом, опомнившись, отшвырнул виноград, поклонился, пряча испачканную ладонь за спину, и распахнул дверцу кареты.

Дочь генерала не была больной, уродливой или калекой, скорее, наоборот – по-своему она была даже красивой: высокая, почти с него ростом, а ведь он не из маленьких, худая, в синем платье послушницы, которое было ей немного коротко, и коричневых ботинках. Каштановые волосы заплетены в косу и перевязаны широкой тёмной лентой, но пара прядок выбилась, и закрутились колечками на шее. В общем-то обычная послушница монастыря. Но выдавали её глаза. Не такие ярко-зелёные, как у настоящих вед, а словно разбавленные солнечным светом. Казалось, что по их прозрачной зелени кто-то рассыпал горсть жёлто-карих крапинок. И веснушки на носу. Чуть-чуть. Но угадать, что её мать была из Детей Леса, было совсем не сложно. Наверное, если присмотреться, то можно заметить и как зрачки у неё иногда меняются, вытягиваясь в вертикальную линию, как у айяарров. Или лучше не присматриваться?

Бастард ещё куда ни шло. Едва ли кто осудит за это самого Альбу. Но полукровка! Да ещё первый ребёнок... старшая внебрачная дочь? Её следовало оставить в лесу и забыть. Она и не человек вовсе. А веды бы позаботились о своей дочери. Насколько Дарри знал, они бы никогда и не отдали настоящую веду людям.

– Э-э-э, меня зовут Дарри. Капитан Дарри Абалейн, к вашим услугам. Ваш отец... хм, генерал должен был написать вам. Позвольте? – он ещё раз поклонился и, забрав у неё саквояж, подал руку, чтобы помочь. – Прошу.

– Я... я сейчас.

Она обернулась и смотрела некоторое время на Обитель, постояла так недолго, видно прощаясь, вздохнула и молча села в карету.

С чего он вообще решил, что она должна быть маленькой девочкой? Конфет купил, дурень! Хотя той ночью генерал был немногословен, а Дарри сильно устал с дороги, да ещё выпил вина и не переспрашивал – спать хотел так, что глаза слипались. Всё думал тогда про дочку мельника и поисковую нить, вот и решил, что «девочке» лет шесть-семь. И почему он запнулся на слове «отец»? Судя по той заботе, что проявил генерал, в этом можно было как раз не сомневаться.

«Заберёшь мою девочку».

Дарри закрыл дверцу кареты, отошёл к лошадям и, усмехнувшись, хлопнул себя по лбу со словами:

– Дарри, кажется, ты идиот!

К обеду следующего дня их маленький отряд остановился на правом берегу Серебрянки. В этом месте у дороги была развилка, и, переправившись на другой берег, они поехали бы на восток, а потом на юг в сторону Талассы. Но в ночь перед этим уходящее знойное лето разродилось небывалой грозой и ливневым дождём, который, начавшись вечером, шёл до самого рассвета. К утру Серебрянка, переполнившись водой, прорвала в верховьях заторы из камней и деревьев и с грозным рёвом устремилась вниз, снеся попутно хлипкий деревянный мост.

Народу с обеих сторон уже набралось немало. В вязкой глине, перекрикивая шум гудящей реки, возле своих обозов, гружённых дынями, бочками и мешками с зерном, толкались торговцы, погонщик с целым стадом коз и кучер почтовой кареты.

Дарри проехал вдоль берега, решая, что же теперь делать. Можно было бы вернуться назад, через десять кварталов свернуть на юг до следующей переправы, хотя это день пути. Но там дальше дорога давала изрядный крюк, а переправа – низкий деревянный мост, который, скорее всего, вот также смыло паводком. Так что можно было потерять и два дня. Вторая дорога уходила на север, в горы. Там, гораздо выше, был ещё один мост – каменный, айяаррский,

который дождь тронуть не мог – слишком высокий. Оттуда можно доехать до Брôха, а уж там они будут как раз за перевалом по дороге на Рокну.

– Миледи? – он заглянул в окно кареты. – Предлагаю поехать другой дорогой, потрясёт немного, тут камни кругом. Вы как?

– Да, конечно, – она улыбнулась в ответ. – Ничего страшного.

Она всегда ему улыбалась и соглашалась со всем: с привалами, ночёвкой, с едой, которую ей предлагали. Сама норовила поднять саквояж, открыть дверь и помыть миску в реке, а когда Дарри попытался её отобрать, посмотрела недоумённо, слегка приподняв правую бровь, и миску не отдала. А однажды сказала тихонько, чтобы не слышали другие сопровождающие:

– Капитан? Хочу попросить вас – не зовите меня миледи, зовите просто Кайя.

– Но...

– Я знаю, кто я, – и взгляд её сказал больше, чем любые слова.

Он хоть и согласился, а всё равно язык не поворачивался называть её просто по имени. Дочь генерала всё-таки, и поэтому он остановился всё-таки на нейтральном: «миледи». Ни Кайя, и не леди Альба.

Вот и сейчас она без вопросов согласилась ехать по северной дороге, хотя трястись по ней в карете одно мучение. Но уж такая она странная девушка – дочь генерала...

Дарри приложил ладонь ко лбу, разглядывая уходящую вверх дорогу. На самом деле его смущали совсем не ухабы. Беспокоило другое. Слишком уж близко они будут находиться к лаарским землям, к границе. Но генерал сказал «как можно скорее», и, взвесив все за и против, Дарри направил своего коня на Брôх по северной рокаде.

* * *

Кайя мучила вышивку с розами и лилиями от самой Обители. Вышивание всегда давалось ей с трудом, но надо же было чем-то себя занять. Трясая дорога по камням выматывала, а смотреть в окно, на котором мельтешит туда-суда бархатная синяя штора, утомительно. Да и что там за окном? Каменные стены и отвесные скалы, головокружительные обрывы, под которыми ревёт перекормленная дождями река, лапы можжевельника и ежевики, скребущие по бокам кареты, когда та, петляя, крадётсЯ вверх, куда-то в молочно-серую шапку облаков.

С тех пор, как отец отдал её на воспитание в Обитель, Кайя мало где бывала. В Шёрбе – городке неподалёку, на ярмарках, помогала в госпитале, на благотворительном балу жены градоначальника, где разносила букетики, в окрестных лесах со старой Наннэ, собирая травы и коренья. Это в раннем детстве отец перевозил её с места на место, пытаясь найти для дочери настоящий дом, и жила она у разных людей, но везде обычно не подолгу, не понимая почему. До тех пор, пока не попала в Обитель и не встретила таких же, как она, полукровок и бастардов – неудобных детей, которых родители привозили в монастырь и зачастую просто оставляли у ворот. Обитель принимала всех...

Мост прятался в облаках, похожих на белую яичную пену, которой мажут праздничный пирог. Карета нырнула в неё, и их окутал серый клубящийся сумрак. Они выехали на ровную поверхность, трясти перестало, и копыта лошадей зацокали мерно в такт. Вокруг, руку протяни, молоко – пальцев собственных не видно. Гул реки поутих, доносился откуда-то снизу, понятно, что издалека. А Кайя хотела рассмотреть этот мост – творение великих каменных шептунов. В Обители она слышала рассказы о домах, мостах и замках, созданных айяаррской магией, и сейчас напряжённо вглядывалась в туман, пытаясь различить хотя бы очертания перил. И ей даже показалось, она их увидела – расплывчатую линию на уровне окна...

...там оно и сидело. На этих перилах. Выделяясь тёмным пятном в молочно-белой пене. И можно было бы подумать, что это камень или столб, горгулья, наконец, или просто куст. Если бы не глаза.

Кайя отчётливо их разглядела – жёлтые, яркие, с красными точками зрачков. Неподвижные... Они чуть светились, выделяясь сияющим ореолом, похожим на тот, что окружает полную луну в туманные ночи.

А затем глаза моргнули и посмотрели прямо на Кайю.

Дыхание остановилось, а сердце, сделав предательский толчок, забило как сумасшедшее. И в тот же миг лошади заржали, заволновались, встали на дыбы, и карета дёрнулась. Кайя отпрянула от окна, прижавшись к подушкам в углу, схватилась за пояс, на котором под пряжкой был спрятан защитный амулет, что дала ей старая Наннэ. Карета понеслась вперёд, раздался тревожный свист, и следом послышалась разухабистая брань Бёртона.

Их мотало из стороны в сторону, дверь кареты распахнулась, и пыль, подушки, корзина с нитками – всё улетело в туман. Карету подбрасывало на камнях с такой силой, что, казалось, ещё мгновение – и колёса не выдержат, оторвутся, и всё полетит в пропасть. Кайя, вцепилась в сиденье и, закрыв глаза, зашептала, как учила её Наннэ, связывая мысленно руны в кольцо – попыталась успокоить лошадей.

«Ты же веда, деточка, Мать всего живого говорит твоими устами, любая живая тварь тебя послушает, надо только уметь говорить устами Матери».

Слова старой Наннэ сами собой всплыли в голове. И она всё повторяла и повторяла, набрасывая на руны новые кольца, надеясь, что всё-таки получится. Иногда ведь получалось. Не с лошадьми, конечно, но голубей приманивать она умела.

Карета неслась все быстрее, дорога пошла с моста вниз.

– Стоять! Тпрру! Стояаять! – она слышала, как кричит Дарри.

– Капитан! Разобьётесь! Не-е-ет! – перекрикивал его Тальд.

А Бёртон только бранился на все лады где-то позади.

– Уходиии!

– Не прыгай! Капитан! Убьёшься!

– Ах, ты! С ума совсем попятил! Капитан! Стояа-а-ать, родимые!

Колец было достаточно, и она мысленно набросила их на лошадиную пару. Скачка резко замедлилась. Карету занесло, ударило обо что-то, и она опрокинулась на бок. Кайя полетела с лавки, врезавшись головой и плечом в угол. Послышался треск ломающегося дерева, ржание, а потом все замерло.

В голове летали звёзды, и круги плыли перед глазами, но потом они остановились, и Кайя расслабила скрюченные пальцы, отпуская руны.

Выбраться ей помог Бёртон.

– Вы живы, миледи? – он заглянул откуда-то сверху, распахивая над ней дверь кареты лежащей на боку. Первой появилась его рыжая борода, потом огромные руки с толстыми пальцами подхватили Кайю подмышками и вытащили наружу.

– Ничего, спасибо, – она потёрла лоб и плечо.

Голова кружилась, но Кайя сразу же оглянулась, ища глазами то, что ей привиделось.

Дорога уходила влево, облако осталось позади, пряча от глаз странный мост и то, что было в нём. Дарри сидел, прислонившись к камню, держался за правый бок, и под его пальцами на одежде расплывалось кровавое пятно. Кайя потом узнала, что он запрыгнул на одну из лошадей в упряжке, чтобы остановить карету, а на повороте его выбросило, и можжевельный сук распорол ему весь правый бок. И это был безрассудный и очень смелый поступок, который мог запросто стоить капитану жизни.

Тальд стаскивал с него одежду, пока остальные поднимали карету, не стесняясь в выражениях насчёт лошадей, тумана и айяррских мостов.

– Вам, миледи, лучше на это не смотреть, – криво усмехнулся Дарри, его карие глаза были почти чёрными от боли, и бледный лоб покрылся испариной.

– Я... м-могу помочь, – произнесла Кайя, подойдя поближе, – я умею лечить.

Тальд и Дарри переглянулись. Леди полагалось упасть в обморок, да хоть бы после этой бешеной скачки или уж хотя бы при виде крови, раны или, наконец, полуголого мужчины. Но Кайя только хмурила лоб и разглядывала рану с любопытством старого лекаря.

– Не беспокойтесь, миледи, ничего страшного, шкуру только ободрало, да это ничего – у капитана-то шкура толстая! – ответил Тальд, со знанием дела тыча Дарри в бок пальцами.

– Ну-ка, поднажми родимые! Раз, два, три! – зычно крикнул Ард, и карета с жалобным скрипом встала на четыре колеса, хлопая сломанной дверцей.

Лошади зафыркали и заплясали, удерживаемые твёрдой рукой Арда. Подошёл Бёртон, вытирая рукавом лоб, и сунул Дарри флягу в руки.

– Ну, капитан, дурья твоя башка, как ты только жив остался?! Если бы лошади не встали, быть бы тебе вороньим кормом вон в той расщелине! И вам, миледи. На, выпей! Ежели моя настойка его не вылечит, миледи, – он поскрёб бороду пятернёй, – то рана, стало быть, неизлечима.

Он заржал, и все засмеялись, даже Дарри, придерживая рукой раненый бок. Родовались тому, что все закончилось благополучно.

Кайя смутилась, но потом принесла холщовую сумку с кистями и, достав из неё несколько пузырьков и мешочков, присела рядом с капитаном.

– Я правда умею лечить... я помогала в госпитале, и Наннэ в Обители меня учила... разному, – произнесла она негромко, так, чтобы слышал только Дарри.

Рана хоть и выглядела на редкость безобразно, в тоже время опасной не была. Но все собрались вокруг и стали наблюдать.

– Чего тарашитесь? – Дарри хлебнул из фляги Бёртона и сплюнул на траву. – Боги милосердные, как ты пьёшь эту отраву! Что там случилось? Вы бы поосмотрелись, а не торчали тут, как прыщи на заднице! Простите, миледи. Что-то же напугало лошадей!

– Не знаю. Может, медведь, – ответил Тальд, прикладываясь к фляге вслед за Дарри и пропустив мимо ушей пожелание капитана уйти и заняться полезными делами.

Бёртон посмотрел вверх. Облако ушло, открыв взглядам величественный каменный мост – творение айяаррских шептунов: три полукруглых пролёта напоминали выгнувшего спину зверя, перила украшали каменные кружева, а по краям, воздев морды к небу, стояли массивные статуи волков. Кайя обернулась, вглядываясь в очертания перил, но там никого не было.

Может ей показалось? Может она приняла за чудовище фигуру каменного волка?

– Кто построил здесь этот мост? – спросила она, осторожно стирая кровь.

– Это лаарские земли, – ответил Дарри уклончиво.

– Больно? – она потрогала рёбра в нескольких местах, проверяя, не сломаны ли.

– Нет. Просто ушиб. Мне не в первой, знаю как оно...

Рёбра капитана, не смотря на отвратительную рану, были целы. Кайя хотела рассказать, что видела в облаке, но такое пристальное внимание со стороны мужчин её смутило. Они стояли вокруг, передавая флягу из рук в руки, прихлёбывая и разглядывая, что она делает, и шёпотом обсуждая это, но так, что слышно было каждое слово. И, покраснев до корней волос, она предпочла вообще не поднимать голову. Промыла рану, присыпала порошком из мешочка, что дала ей с собой Наннэ, смазала смолой, чтобы стянуть края и наложила повязку из разорванной рубахи.

Дарри смотрел внимательно, как её ловкие пальцы снуют туда-сюда со знанием дела, на её сосредоточенное выражение лица, закушенную губу и морщинку между бровей, и чувствовал, что боль отступает. Прикосновение её рук успокаивало и было приятным. А после настойки, которую она ему дала, горькой, но пахнувшей розовым маслом, даже слабость прошла. И на вкус она была уж точно лучше мерзкого пойла Бёртона.

Вблизи её глаза казались совсем уж прозрачными, точь-в-точь лесное озеро – утонуть можно, и вот так близко было заметно, что зрачки у неё то круглые, как у людей, то меняются, чуть вытягиваясь, когда она пристально разглядывала что-то. А ещё улыбка. Искренняя, доверчивая, лучистая. Глаз не оторвать...

– Ну вот, до какого-нибудь лекаря доехать сможете, а так ничего страшного нет, до свадьбы заживёт, – произнесла она и снова улыбнулась.

Сказала это, не подумав. Наннэ всегда так говорила раненым и больным мужчинам, но, наверное, капитан смотрел слишком пристально, и потому она смутилась ещё сильнее, отвела взгляд и суетливо стала складывать в сумку свои вещи.

– У вас руки в крови...

– А, это! Ничего, я в ручье помою, – она снова улыбнулась, опять отвела взгляд и, торопливо вскочив, побежала по камням вниз к воде.

Дарри натянул куртку и пошёл следом, придерживая рукой раненый бок.

– Я вас провожу. Не знаю, что спугнуло лошадей, не хотелось бы, чтобы вы повстречались ещё и с медведем.

Она присела на берегу реки, вымыла руки в ледяной воде и плеснула в лицо, чувствуя, как стоящий сзади капитан её разглядывает.

Они все её разглядывали исподтишка, и только Бёртон делал это не смущаясь, видимо, настойка, к которой он то и дело прикладывался, его бодрила и придавала смелости. И у всех у них, кроме Дарри, в глазах был один и тот же вопрос: «Кто она такая?». Поэтому, пока вокруг никого не было, Кайя насмелилась и спросила, обернувшись:

– Капитан? Вы не знаете, зачем отец велел везти меня в Рокну?

Дарри посмотрел на мост, парящий над ущельем, и пожал здоровым плечом:

– Не знаю, миледи. Он не сказал.

– С ним все хорошо? – она хоть и хотела скрыть тревогу, но всё равно голос её выдал.

– С вашим отцом? Вполне, – ответил Дарри успокаивая, – не переживайте, миледи, надеюсь, до зимы мы возьмём перевал, и война закончится. А теперь идёмте, надо успеть засветло выбраться из этого места. Не нравится мне все это.

Она встала, пошла к карете и, когда поравнялась с капитаном, он произнёс негромко:

– И ещё, миледи... – замолчал и добавил, словно извиняясь: – Кайя... я хотел сказать... спасибо.

– За что?

– У вас чудесные руки, – он сделал паузу и произнёс тише, – и за то, что лошадей остановили. Вы спасли нам жизнь.

– Как вы... узнали? – она снова вспыхнула, и смущение сменил испуг.

Дарри приложил палец к губам и добавил шёпотом:

– Я никому не расскажу.

Она не ответила, только, подхватив подол, торопливо направилась вверх по склону.

К закату они добрались в Брех. Но всю дорогу ей казалось, что из каждой расщелины, с каждой скалы или дерева на неё смотрят красные зрачки страшных глаз из тумана.

Глава 4. Пожар

Первым дым почувствовал Дарри.

– Стойте! – крикнул он и поднял руку вверх.

Осадил лошадь, и та заплясала на месте. Солнце клонилось к горизонту, пряталось в пыльно-красное марево, и длинные тени от горных вершин хищными пальцами потянулись в долину. До Броха оставалось не больше кварда, только обогнуть ельник.

Дарри постоял, принохиваясь.

– Чего там? – подъехал Бёртон, глядя на разъезженную телегами дорогу, прищурился и погладил кудрявую бороду.

– Дым... Чуешь?

– Ну? Дым. Чего всколготился-то? Дым как дым.

– Как вроде кожа горит...

– Скажешь тоже! Кизяк это горит, – ответил Бёртон со знанием дела. – Это же Брех! Тут одни гурты кругом да скот продают погонщики, тут этого добра!

Горело дерево вперемешку с сырым подгнившим сеном и конским навозом. Это Дарри и так почувствовал. И всё-таки... кожа...

Эта война и охота за чудовищем, длившаяся не первый год, казалось, скоро и его самого превратят в зверя, заставляя вздрагивать от каждого шороха, в каждом звуке слышать крадущуюся опасность. Он видел знаки кругом – дохлых ворон, сны про рыбу или чёрных кошек, он чувствовал каждый запах – гниющей листвы, мышей или страха, он слышал, как падает с дерева сухой лист и тля сосёт лозу. И этот дым ему не нравился.

Он тронул лошадь и проехал вперёд.

Ельник кончился. За поворотом дорога уходила вниз, упираясь в развилку с покосившимся витым айяарским столбом – драйгом. Столб старый, замшелый, да такой ни одной буре не под силу свалить – видно, что это люди пытались его корчевать или тащили лошадьми, но выдернуть так и не смогли. В итоге приделали к нему изгородь для загона. Пастухи, перегонявшие осенью стада с горных пастбищ на юг, останавливались здесь для продажи овец и коз местным скорнякам.

От столба в другую сторону и начинались скорняцкие мастерские и лавки, налепившиеся вдоль дороги одна на другую, как репы на коровий хвост. Лучшие кожи, сапоги и сёдла были именно отсюда. Тут же виднелась кузница и большой постоялый двор, выходивший задами на петлявшую в зарослях краснотала и камышей речушку, а дальше черепичными крышами рыжели предместья Броха. Когда-то здесь были лаарские земли, но сейчас почти все предгорья по эту сторону хребта заселили люди.

Дым жался к земле, стелился над рекой и утекал лентой в низину – горел ближайший к столбу амбар.

Люди с вилами и косами собрались рядом с ним большой толпой, и стояли полукругом, глядя на огонь. Но никто не пытался его тушить.

– Тпрррууу! – зычно закричал Ард, карета остановилась, съехав на луг с дороги в стороне от пожара.

– Что там случилось? – спросила Кайя, выглядывая в окно.

Рука Дарри легла на дверцу:

– Миледи, вам лучше не выходить. Ждите здесь.

Дарри и остальные спешили и пошли к толпе, стоявшей у амбара. Кайя посидела недолго и выбралась наружу – спина и ноги ныли от тряской езды по камням. Хотелось снять туфли и босиком пройти по ковру из горца и белого клевера или просто посидеть на лугу. Не важно, что там опять стряслось. Как она успела заметить за время этого путешествия, в пути

вечно что-то происходит: чья-то лошадь сломала ногу, опрокинулась карета, размыло дорогу или случился камнепад, кто-то рожал, кто-то умирал, и каждый раз Дарри с серьёзным лицом говорил ей: «Вам лучше не выходить, миледи». И в чём-то он, обычно, оказывался прав.

Солнце, сбрызнув позолотой жестяного петушка, венчавшего крышу постоялого двора, поиграло розовым на белых вершинах гор и скрылось. Мимо проشمыгнула кошка в заросли вербейника, беспокойно закудахтали куры, и позвякивая бубенцами, к ручью прошла неторопливая пятнистая корова. Кайя сняла туфли, закрыла глаза, и постояла немного в мягкой траве. От реки потянуло вечерней прохладой, стало зябко. Сорвав колосок мятлика, она тихо обошла карету, чтобы Дарри не увидел, поёжилась и направилась к огню.

Зачем они жгут амбар?

Дотронулась рукой до ивы...

Не ходи туда!

Кайя вздрогнула.

Иногда она их слышала. Деревья. Травы. Веды всегда слышат лес. Так говорила старая Наннэ. Только вот она не веда. Она – человек. Так ей говорила Настоятельница. И Кайя старалась не слушать этот тихий шёпот леса. Скажешь кому, что с тобой говорят деревья – высекут. Или прикажут ночевать в подвале. Лишат ужина. В этом мире нельзя быть ведой.

В толпе ближе к дороге стояли женщины в длинных кожаных фартуках поверх платьев и тёмных платках, почти каждая с ножом или палкой. Смотрели, как огонь с треском пожирает стропила на крыше амбара, как языки пламени лижут почерневшие брёвна, и тихо переговаривались между собой. Лица серые, на глазах слёзы.

Нехорошее предчувствие шевельнулось у Кайи в душе.

Дарри и его отряд ушли к соседней лавке, там же толпились мужчины, в основном скорняки: кто с цепом и косой, кто с вилами. Несли мешки. Ард разворачивал какую-то сеть, Бёртон и Тальд побежали с саблями к реке. Кайя подошла ближе.

– Эй, барышня, вам туда не надо! – один из мужчин схватил её за руку, но она уже шагнула к большому окну лавки, в котором была выставлена на продажу упряжь, и только потом поняла, что лучше бы ей было не видеть того, о чём шептались местные.

– ...как чувствовала...

– ...да кабы знали! Засов-то выломал, куды против такой силищи!

– ...третьего дня только приехал. В Ирхе, говорит, также было, и никто не слышал, а потом мельницу спалили...

– ...не только амбар, но и лавку-то теперь сжечь надо бы, как бы не вернулося...

– ...в два пальца борозды от когтей...

– ...даже на потолке...

Она только увидела Дарри, который бросился к ней и, не удержавшись, ругнулся:

– Миледи! Вашу мать! Сказал же сидеть в карете!

Очнулась она на мокрой от росы траве. Между лопаток упирался острый камень, а сверху нависал капитан, отчаянно размахивая перед её лицом своей шляпой с журавлиными перьями. Веера у неё отродясь не водилось, как и нюхательных солей, да и не думала она, что ей, выросшей в Обители, когда-нибудь это понадобится. Но сейчас перед глазами снова встала картина, которую она увидела поверх сёдел и сапог, стоявших в окне лавки, и забыть её она не сможет до конца своих дней.

Что это был за зверь, который мог сделать такое? Медведь? Волк?

Только сейчас ужас подкатил куда-то к желудку, сжал его, выворачивая наизнанку. Оттолкнув заботливые руки Дарри, Кайя вскочила, бросилась в ближайшие лопухи, и там её стошнило. Какая-то сердобольная женщина помогла, усадила её на деревянную колоду, погладила по голове, как ребёнка, и пока тошнотворный клубок крутился где-то внутри, Кайя слушала обрывки разговора. О страшном Звере. О сотнях разорванных им людей в деревнях вдоль

всей границы. О войне, о мести и её отце – генерале Альба, который должен уничтожить проклятых горцев. И о чудовище из Лааре по имени Эйгер.

Тошнота, наконец, отступила.

Надо было уйти, спрятаться куда-нибудь подальше от этого страшного места. Ива ведь предупредила. Не надо было ходить. Но кто же мог подумать, что всё окажется настолько страшно...

Вернулись Бёртон и Тальд, вытирая потные лица и пряча сабли, расстроенные и злые, они тихо переговаривались между собой. Дарри стоял на пороге лавки с хмурым, сосредоточенным лицом, и Кайя решила незаметно прошмыгнуть мимо – не хотелось попадаться на глаза капитану. Она и так нарушила его запрет, да ещё её тошнило при нём, а леди допустимо при мужчинах только падать в обморок, но ничего больше. И поэтому было стыдно.

Вот только край глаза зацепился за знакомый узор за его плечом – лилии и розы. Три алых лепестка и зелёная ветка на бежевом шёлке, испачканном кровью – её незаконченная вышивка, которая выпала из кареты на мосту.

Пяльцы с вышивкой были насажены на гвоздь, вбитый в дверной косяк той самой лавки.

* * *

В ночь не поехали, остались в Брохе. На том самом постоялом дворе с жестяным петушком на крыше.

Амбар догорел, только куча чёрной золы все ещё тлела, мерцая в темноте и сочась едким дымом, но не давала уже ни света, ни тепла. Люди разошлись. Дверь в лавку и окна заколотили досками и завесили рядом, решив, что утро покажет, что делать дальше. К утру из Броха должны были приехать храмовники – дурные вести расходятся быстро.

Дарри решил переночевать здесь и выехать пораньше, чтобы не встречаться с рыцарями Храма и их дознавателями. Они убивали едва ли не больше людей, чем Зверь, и сжигали больше деревень, чем уничтожала война. И ведь никогда не знаешь, кого они на этот раз назовут *одержимыми*. У храмовников все просто – если Зверь пришёл, значит, жители приманили его. И капитан понимал, что рано утром нужно убраться отсюда, иначе с их допросами можно потерять и ещё два дня. Уехал бы и сейчас, но наступила ночь и рисковать не хотелось. Да и карета требовала ремонта.

На постоялом дворе кроме них осталась только какая-то женщина. Остальные гости, что были днём, уехали в Брех искать другой постоялый двор для ночлега. Оно и понятно – кто захочет ночевать в таком месте? Так что хозяйка была рада – пятеро вооружённых мужчин давали надежду, что Зверь не сунется снова, или на то, что они его остановят, если понадобится. Она послала младшего сына распрячь и покормить лошадей, а сама с невесткой бросилась хлопотать у печи, то и дело вытирая краем платка заплаканные глаза. Быстро собрала на стол: жаркое из козлёнка и окорок, лепёшки, сыр, пироги с ревенем и свежий сидр.

– Сейчас ещё грибочков принесу бочковых и похлёбки рыбной, – смахнула передником крошки со стола и ушла.

Кайе отвели лучшую комнату в верхней части дома с кроватью под кисейным балдахином и вытертой медвежьей шкурой на полу. Единственное окно закрыли ставнями и приладили поперёк толстую балку – на всякий случай. Хоть Дарри и сказал, что Зверь не вернётся, но всё равно так было спокойнее. И еду ей принесли сюда же, только есть она всё равно не могла. Отщипнула кусочек пирога, вышла на лестницу и села в темноте прямо на дощатый пол. Ей хотелось знать, о чём будут говорить мужчины внизу, и она стала вслушиваться, наблюдая за капитаном сквозь деревянные балясины.

Про Зверя она слышала и раньше. В Обители по ночам, когда старшие сёстры тушили свечи и уходили, девушки собирались на чьей-нибудь кровати и рассказывали друг другу шёпо-

том разные истории. Про принцев, за которых кому-то из послушниц удавалось выйти замуж, про странствующих рыцарей и айяарров из далёких земель, про чёрных, как уголь вёрров, высоких, как сосны, и очень богатых, которые живут за морем. И однажды один такой приезжал в Обитель за невестой. Был он, конечно, ростом не так высок, как в рассказах, но чёрен был и правда, как печная головешка. Улыбался много и забрал в жёны Адну. Послушницы шептались, что у него целый гарем таких жён, но Настоятельница разрешила. В Нижнем Храме совершили обряд, и Адна уехала с ним, сияя от счастья, как медный таз. Для подкидыша, которым была невеста, выйти замуж за знатного – высшее благо, какое могут даровать боги.

Говорили и про Зверя. В основном это были страшные истории, которые рассказывала Синайя. Родом она была откуда-то из ближайших к Лааре земель. Иногда по большим праздникам она уезжала к родственникам, а возвращаясь, рассказывала...

Она говорила о том, что в долине за горными хребтами живёт чудовище, которое днём ходит, как человек, только в маске, а ночью превращается в зверя и охотится на людей. И что живёт чудовище в красивом замке, у него много слуг и жён, что он айяарр, колдун и вообще – лаарский князь. А ещё, что он очень богат и может любой камень превратить в золото, а вместо сердца у него большой алмаз.

Кайя не верила в такие истории. И только после увиденного сегодня в лавке, думая об этих рассказах, она поняла – не все из этого ложь. Хотя, как может такое совершить человек? Пусть даже айяарр.

Голос Дарри выдернул её из раздумий.

– Так ведь нет ещё полнолуния! Как такое возможно? – стукнул он кружкой по столу.

Мужчины ужинали и спорили, обсуждая сегодняшнее событие. И потому, как капитан ходил вдоль стола, ставя время от времени ногу на лавку и нависая над своими людьми, и задавал вопросы, видно было, что он очень расстроен и зол.

– Может, этот поганец и не один? – задумчиво ответил Ард.

– Старуха сказала один.

– Ты кому веришь, капитан, таврачьей бабке? – вступился Бёртон, вымакивая куском лепёшки остатки похлёбки. – Да той враницу пустить, что с горы катиться, да ещё когда ей платят! А ты бы её за жабры-то взял, да поглубже, так она тут же и пошла бы враспять. Сказала бы, что и зверь не один и является раз в три дня. И что медведи по небу летают.

– Думаешь, соврала? Но... зачем?

– Любой таврак соврёт – недорого возьмёт. А уж когда видит монету, всё едино скажет то, что ты хочешь услышать. Такое уж они подлое отродье. Да и ты вспомни, капитан, как попервости упырь-то этот, почитай, по пять раз за месяц появлялся. И в основном головы отрывал, а уж опосля стал только в полнолуние ушкырничать да на части рвать, – Бёртон подцепил ложкой огромный осклизлый груздь и, вонзив в него нож, отправил его в рот. – Может это он опять за старое взялся?

– А как ты вот это объяснишь? – Дарри зло ткнул пальцами в лежавшие на столе пальцы с вышивкой. – С какого это рожна он нам стал знаки посылать?

– Ну, это ты нам, капитан, объясни, – воскликнул Тальд, – до этого мы ловили его, как бешеную собаку, которая не ведаёт, что творит. Собака и есть собака. А теперь, погляди-ка, собака нашей барышне весточки шлёт! И за каким гнусом она сдалась этому поганцу? Вот ты и скажи нам, капитан, кто она такая? Может по её душу-то Зверь и приходил? Может, мы бы тут попусту и не пересыпали с левого кармана в правый! Может, оно и понятно бы стало, чегой-то у него такая любовь к бабскому рукоделью?

– Ты это, следи за помелом-то, – шикнул Бёртон, – неча орать на всю округу, чай не на ярмарке.

Дальше голоса стали тише, и сколько Кайя не вслушивалась, не смогла понять, о чём они говорят. Тихонько вернулась в комнату и легла, пытаясь заснуть. Но слова о том, что Зверь приходил по её душу, так засели в голове, что сон не шёл.

Ночью было тихо. Так тихо, что слышно даже, как под полом скребётся мышь и пищит комар, путаясь в складках балдахина. И Кайя временами проваливалась в короткий тревожный сон, но тут же просыпалась, глядя, как медленно тает свеча на полке. Скоро совсем потухнет, а с темнотой придёт и кошмар. Глаза с красными зрачками, что смотрели на неё из тумана...

Она встала с кровати, натянула на себя платье и, взяв огарок, вышла из комнаты – найти ещё свечей. Прямо за дверью наступила на что-то мягкое, лежавшее на полу, отскочила, уронив свечу, которая тут же потухла. Взвизгнула бы, но страх перехватил горло. Зацепилась рукой за невесть откуда взявшуюся саблю, и та с грохотом упала на пол.

– Миледи! Вашу же... так! Раздавите же! – послышался из темноты возглас Дарри.

– Капитан? – раздался снизу голос Бёртона. – Это вы?

– Я, кто же ещё!

– Простите! Что вы здесь делаете, на полу? Под моей дверью? – спросила Кайя шёпотом, радуясь, что не завизжала в голос и не разбудила всех.

– Вас охраняю! А вам зачем понадобилось выходить посреди ночи? Говорил же – закройте дверь и не выходите!

– Я... я хотела сходить за свечами, – виноватым тоном произнесла Кайя.

В темноте понемногу глаза привыкли. Внизу в печи догорал огонь, отбрасывая на стену и лестницу багровые тени. Дарри прислонился к перилам, стащил с себя одеяло, которым был укрыт, и потёр лоб.

– А... можно я посижу тут, с вами?

– Тут? На полу? Зачем? – удивился капитан. – Я принесу сейчас свечи, и вы пойдёте спать или, если хотите, спустимся вниз... если вам надо.

– Не беспокойтесь, я просто тут посижу, недолго.

Кайя присела рядом, поджала колени к подбородку и, натянув платье на ноги, завернулась в одеяло. Леди так сидеть не полагалось, особенно при мужчинах, и Настоятельница бы высекла за такое, но было темно, а Настоятельница теперь далеко, так что все это не имело значения.

– Зачем вам свечи понадобились посреди ночи? Чего не спите? – голос капитана смягчился.

– Я не могу спать одна, – произнесла Кайя, а Дарри в ответ только хмыкнул, и она смутилась, радуясь, что в темноте этого не видно, – простите, я, кажется, глупость сказала. Просто в Обители все девушки ночуют в одной большой спальне, а тут темно, тихо и я совсем одна. Я с детства не ночевала одна. Не могу заснуть. А вы чего спите прямо на полу? Вы же сказали, что никто не заберётся сюда.

– Я, как лошадь, могу и стоя спать, – ответил Дарри с усмешкой в голосе, – а тут так, на всякий случай, мало ли что.

– И с саблей? Вы думаете, Зверь может вернуться?

– Миледи, вам не стоит бояться. Мы вас защитим. Никто вас не обидит. Даже Зверь, – твёрдо ответил капитан.

Они помолчали, слушая, как сверчок повторяет однообразную трель, и кто-то из отряда Дарри звучно вторит ему своим храпом.

– Давно вы с моим отцом? – спросила, наконец, Кайя.

– Четыре года.

– А что вы знаете про этого зверя?

– Про чудовище из Лааре? – Дарри помолчал и добавил: – Много чего.

– Расскажите.

– Зачем это вам, миледи? Хотите опять пугать лопухи? – в голосе капитана послышалась насмешка.

– Мне очень неловко за мою несдержанность, – Кайя радовалась тому, что её внезапного румянца никто не видит.

– Да не переживайте так! Видели бы вы как Мартина, уж поверьте, бывшего разведчика, выворачивало наизнанку. Простите за подробности. Так зачем вам знать про зверя?

– Мой отец воюет с ним.

– Думаю, ваш отец не обрадуется, если я буду рассказывать вам то, что леди знать не полагается.

– Кое-что страшное я уже видела, – ответила Кайя, – так что выдержу и ваш рассказ. А насчёт леди... Я из тех леди, что умеют доить коз, копать корни руками, собирать виноград, печь хлеб и лечить раненых. Я выросла в Обители. А там, знаете ли, даже леди не каждый раз могут поесть на ночь.

– И что же вы хотите знать? – спросил Дарри серьёзно.

– Всё.

– Эх, миледи, если бы я сам знал о нём все, то давно бы его поймал. А пока я знаю только то, что раз в месяц в полнолуние, он приходит и убивает. Хотя вот сегодня я узнал, что не только в полнолуние. И если раньше я думал, что этот зверь, как бешеная собака, не ведает, что творит, то теперь, после вашей вышивки на двери я уже ни в чём не уверен.

– А кто он?

– Одни говорят, что это сам лаарский князь, который превращается в зверя в полнолуние, другие, что зверь принадлежит лаарскому князю. Но мне всё едино, я убью их обоих, когда до них доберусь!

– А вы что думаете? Кто он? Кто он на самом деле? – шёпотом спросила Кайя.

– Раньше я думал, что это просто зверь. Волк или горный лев... Потом, что этот зверь не простой, а создан колдовством айяарров. Но теперь я думаю иначе. Может это, и правда, сам Эйгер. Если бы вы хоть раз взглянули в его жёлтые глаза... Эйгер, кстати, в переводе с айяарр – Людоед.

– И вы его видели?

– Да, несколько раз.

– Какой он?

– Большой. Высокий и очень сильный, – Дарри говорил медленно, – горбатый. Косматый, как горный медведь. На лице носит маску, а одну руку всегда держит в перчатке. Говорят, он безобразен, но без маски и плаща я его не видел. И ещё он ничего не боится. В бою дерётся, как зверь – это правда. Он же айяарр и колдун, а им неведом страх.

– Но зачем?.. Зачем правителю Лааре нападать на людей и рвать их на части?! Должна же быть какая-то причина?

– Эх, миледи, разве чудовищам нужны причины? Разве волку нужна причина, чтобы рвать овец? Такова его волчья натура. Но ему уже недолго осталось – к началу зимы мы возьмём перевал и уничтожим Лааре вместе с этим поганцем.

Кайя сидела, положив голову на сложенные руки, и внимательно слушала рассказ капитана. А Дарри сначала говорил неохотно, но потом увлёкся. За три года охоты на Зверя у него накопилось немало интересных историй, а Кайя была благодарной слушательницей. Он рассказывал о тайных тропах, поисковой нити, о том, что правда, а что нет в историях о Звере, о её отце и о том, что будет, когда война, наконец, закончится.

Кайя слушала и задавала вопросы, страх совсем прошёл, рядом с капитаном было так спокойно и понятно, что однажды Зверь всё-таки будет пойман. Она сама не заметила, как заснула, прислонившись к плечу Дарри.

И он не стал её будить.

Часть 2. Невеста

Глава 5. Рокна

Рокна ей понравилась.

Хотя в Обители старшие сёстры всегда говорили, что это город зла, греха и порока, продажных женщин и мужчин и ещё много чего, о чём леди знать не полагалось. И Кайя думала, что попадёт в мрачное и грязное место с узкими улочками, окнами-бойницами и теми самыми женщинами, что стоят в подворотнях и переулках с голыми ногами в язвах.

А город её встретил разноцветными флажками и гирляндами, водопадами лиловой глицинии, цветущей вдоль изгородей, ставнями в резных деревянных кружевах и красными черепичными крышами. Мощёные улицы стекались с холма вниз, к морю, где зажатая между двух утёсов бухта, как распахнутый сундук с драгоценностями, пестрела кораблями под всеми флагами от Эддара до Скандры.

Рокна – большой торговый порт, город вольный, шумный, своенравный и богатый. Защищённый с севера горами, а с юга – выступающими в море утёсами, охраняющими гавань. Этот город торговцев и свободных людей был похож на разноцветный тюрбан наршарра́хского купца, украшенный перьями, рубинами и изумрудами, сияющий и яркий, в котором все краски сплелись в причудливый клубок. Так показалось Кайе, когда они проезжали по его улицам.

Торговый квартал пестрел россыпью лавок. Плотные тюки атласа, тафты, парчи и батиста проглядывали сквозь открытые двери. Повсюду на лотках лежали муаровые ленты, костяные и перламутровые гребни и зеркала. Пряности перемежались с серебряными кувшинами и чашами, и запах корицы и ванили растекался в воздухе и дурманил голову. Бродячие артисты на ходулях и циркачи с обезьянками бродили по улицам, зазывая народ на представления. Таврачы гадалки раскидывали карты прямо на мостовой: женщинам – на счастливую жизнь и большую любовь, а мужчинам – на богатство и подвиги.

Торговцы кричали на все лады, умело предлагая самую низкую цену. И одной рукой набрасывая на плечи женщинам тончайшие шали или прикладывая к ушам серьги, другой – выставляли, как щит, начищенное блюдо и тут же восторгались их красотой в отражении.

А их жёны стояли рядом предлагая засахаренные фрукты и халву, медовую вату, финики и изюм. И так мастерски выписывали в воздухе замысловатые фигуры большими веерами из перьев, отгоняя вездесущих пчёл-воровок, что казалось это какой-то волшебный ритуал.

На площади Кайя увидела зверинец со львами и тиграми, но на главное украшение города ей указал Дарри. Голубой дворец Лира́йе, стоявший на холме, словно парил над городом, приглядывая за ним, как мать за шумным ребёнком.

Впечатлений было так много, что в первый день Кайя уснула, как убитая. После изматывающей дороги и всех тех страхов, что испытывала она в пути, здесь казалось так мирно и безопасно, что она впервые за долгое время спала без всяких кошмаров.

Но прошло три дня, впечатления улеглись и совсем иные мысли стали лезть в голову.

Кайя сидела на кушетке у окна, и тёплый ветер играл бахромой на кисейных занавесках. Глядя на зелёные ставни домов, на лазурную бухту и покачивающиеся на водной глади корабли, на то, как голуби дерутся за оставленные ею крошки, она думала.

В Рокне они уже третий день – зачем она здесь?

Отец приехал вчера вечером, осунувшийся, усталый, постаревший. Крепко обнял её и сказал – поговорим завтра. И что-то было в его голосе такое... печаль. Что-то не так. Что-то изменится. Навсегда.

Это внутреннее беспокойство появилось из ниоткуда, но больше её не отпускало.

Чей это дом, в котором они остановились?

Большой, трёхэтажный, с внутренним двориком, заросшим старыми платанами, среди которых прятались массивные гранитные скамьи. Стены расписаны фресками, на окнах – тяжёлый золотисто-зелёный шёлк. Служанки вежливы и молчаливы. Накрахмаленные простыни, душистое мыло, еда на фарфоре...

Она бродила по дому, разглядывая статуэтки из мрамора и витые бронзовые подсвечники.

Когда они только приехали, на их отряд, состоявший из грязных бородатых мужчин и девушки в синем платье послушницы, горничные смотрели с недоумением. Это потом, когда Дарри сходил к цирюльнику, сбрил щетину, постриг буйные кудри и надел чистый мундир, служанки стали глупо хихикать и строить ему глазки. И Кайя услышала, как они переговаривались между собой, называя капитана «красавчиком».

Кайя и сама заметила, что Дарри преобразился. С гладко выбритым лицом он стал выглядеть моложе. Тёмные волосы, вечно растрёпанные ветром, ему больше не приходилось зачёсывать пятернёй и стягивать шнурком, и они лежали на плечах аккуратными волнами по последней моде. Он даже стал вежливее, больше не бранился, и в утреннем приветствии впервые поцеловал ей руку долгим церемонным поцелуем, вогнав Кайю в краску. Её пугал этот богатый дом и то, что Дарри стал таким вот... незнакомым. И то, что он подшучивал над служанками, а они заливисто смеялись, покачивая бёдрами, и то, что он целовал ей руки – все это было почему-то неприятно.

Они ведь стали друзьями в этой долгой дороге. Она лечила его раны, слушала его истории, однажды даже полночи проспала на его плече. Он заботился о ней, и все было так просто. Если бы у неё был брат, ей бы очень хотелось, чтобы он был таким.

А теперь это исчезло. Теперь он смотрел на неё слишком внимательно, слишком пристально, а когда говорил, то голос его становился таким странным, тихим и хриловатым. Заставляющим краснеть. Но точно не таким, каким он должен быть у братьев. И когда он подходил слишком близко, Кайю бросало в жар, и она невольно делала шаг назад. А ещё эти служанки... Почему-то их внимание к капитану раздражало её больше всего.

И она старалась не попадаться Дарри на глаза, совершенно не зная, что со всем этим делать. Весь её опыт общения с мужчинами сводился к тому, что она помогала Наннэ в госпитале лечить больных. Туда привозили раненых на войне с Лааре солдат, и все они изнемогали от боли и ужасных ран и были совсем как дети, большие, бородатые несчастные дети, которым требовались забота и уход. И когда они шли на поправку их отправляли в другой госпиталь в Шербе или же они умирали. И поэтому сейчас это странное внимание со стороны молодого здорового мужчины было для неё в новинку. Оно пугало и будоражило, и когда приехал отец, Кайя вздохнула с облегчением – теперь-то всё станет понятно. Но в ближайшее время ей придётся расстаться с Дарри – ему предстояло возвращаться в лагерь, и от этой мысли становилось грустно и больно. Так же больно, как тогда, когда отец отдал её в Обитель и уехал.

К завтраку Кайя надела своё лучшее платье из тех трёх, что у неё были с собой. Маленький стол, накрытый на террасе на втором этаже дома, прятался в тени ажурной листвы акаций. Генерал сидел тут же, в домашней одежде и мягких туфлях, и читал. Заметил Кайю, отложил свиток и улыбнулся тепло и радостно.

Поговорили немного о разном: о том, как она выросла, о дороге, Рокне, Обители и войне. И когда молчание за столом затянулось, генерал отодвинул тарелку и, выпив вина, сказал:

– Ты, верно, в недоумении, зачем мы здесь? – она улыбнулась, а генерал продолжил: – Ты же знаешь, что близится последняя битва за Лааре? За перевал Олений Рог. Уверен, мой капитан говорил тебе об этом. Битва эта будет тяжёлой... очень тяжёлой, и всё может случиться, девочка моя. Лаарцы будут стоять насмерть. Но до того, как я пойду на эту битву... я должен выполнить последнюю волю твоей матери, – генерал исподлобья посмотрел на Кайю и,

видя, как побледнело её лицо, снова отхлебнул вина, нахмурился и продолжил: – Она хотела, чтобы я позаботился о тебе. Чтобы ты ни в чём не нуждалась. Чтобы вышла замуж за хорошего человека и стала счастливой. Увы, всё получилось не так, как видишь. Не хотел я, чтобы ты провела всё это время в Обители. Но мы не всегда можем делать то, что хотим. И счастливой ты тоже вряд ли была. Но одно обещание я всё же сдержать смогу. Прежде, чем я снова уеду на войну... с которой могу и не вернуться... я хочу найти достойного жениха и выдать тебя замуж. Здесь, в Рокне.

Её рука дрогнула, расплескав воду на голубой лён скатерти...

– Не говори так! Отец! Ты вернёшься! – слёзы навернулись на глаза сами собой и потекли, непрошенные.

Кайя порывисто вытерла их тыльной стороной ладони. Не нужно ей плакать.

– Увы, девочка моя, это не от меня зависит. А от воли богов и лаарского упрямства.

– Но я... я не хочу замуж, отец! Я дожусь твоего возвращения или, если хочешь, я могу остаться в Обители. Там не так уж плохо. Или... у меня нет выбора? – последние слова она произнесла совсем тихо.

– Нет выбора? Кайя, у тебя, конечно же, есть выбор! Через три дня здесь начинается карнавал, и вместе с ним осенний Бал невест – большой праздник. Его даже королева посетит. Мы найдём тебе порядочного жениха из хорошей семьи, такого, который тебе понравится. Ты уже не ребёнок, зачем оставаться в Обители?

– Буду учить других, лечить, буду делать лекарства... я умею. Я не хочу на бал, отец! – она почти взмолилась.

Бал невест? Мать Всеблагая! Она даже не думала об этом. Вот чтобы так неожиданно...

Генерал посмотрел недоумённо в зелёные глаза, полные слёз, и покачал головой.

– А мне казалось, ты обрадуешься. Вот уж не думал, что есть девушки, которых на бал нужно тащить силком. Ты пойми, если меня... Если я не вернусь с этой битвы, некому станет платить Обители деньги за твоё содержание. Ты же понимаешь, что леди Альба не станет тебе помогать, – горько усмехнулся генерал. – А знаешь, что сделает Настоятельница, как только я перестану исправно присылать плату? Разве ты хочешь пойти в услужение какому-нибудь купцу или стать помощницей аптекаря? Обитель не будет кормить тебя вечно. Однажды тебя отдадут замуж, но уже против воли. Твоя мать никогда не простила бы мне этого, а ведь она наблюдает за нами из своих светлых садов.

И он был прав. Другая бы обрадовалась. В Обители бывали дни, когда старших девочек собирали, мыли, заплетали волосы в красивые причёски и наряжали. А потом выводили в большой зал, выстраивая в линию. Кайя пряталась за балюстрадой на верхней галерее, наблюдая за смотринами.

В Обители, кроме таких, как Кайя, отданных на воспитание, было ещё много сирот, брошенных детей, калек и подкидышей, о которых некому было заботиться и за которых никто не платил. Их учили разному ремеслу и наукам, выделяя способных и красивых. Многие из способных уезжали потом в другие Обители – учить или лечить. Таких охотно разбирали в аптекарни или аптеки, а то и в богатые дома присматривать за детьми или в экономки. Про красивых шептались, что их покупают владельцы Красных улиц из Южных городов, те же Рокна и Эддар. И они даже становятся знаменитыми куртизанками. Некоторых сватали. Считалось хорошей участью, если какой-нибудь престарелый вдовый купец приезжал в Обитель подыскать молодую жену. Чтобы могла играть на дзуне, вести купеческие книги, писать и читать, знала языки и умела делать слабительный чай. За которую и цена невелика, и никто не печётся о её судьбе. Зато работать такая сможет за троих. И девочки старались понравиться: подводили сажей глаза, щипали щёки для румянца, мазали губы соком красных слив и улыбались. Улы-

бались какому-нибудь старому подагрику в надежде, что он укажет пальцем на неё и скажет: «Эта».

Потом короткий обряд в Нижнем Храме, и вот небольшой саквояж с двумя платьями послушницы увозит карета, повозка или кибитка. Обитель отдавала миру зрелый плод, потому что за её воротами уже ждали новые семена – сироты, подкидыши и бастарды.

Кайя всегда думала, как же ей повезло, что у неё есть отец, который из года в год исправно платит за её обучение и содержание. Ведь однажды и она могла вот так же стоять в большом зале, выставленная на продажу, словно овца или лошадь. А вот теперь оказалось, что нет, не так уж и повезло. Только выбирать её будут не в большом зале Обители, а на балу. Отец молчал, но Кайя поняла, зачем они приехали именно в Рокну – вольный город. Здесь ей, полукровке, незаконнорождённой дочери хоть и самого генерала Альбы, может улыбнуться судьба. Сюда стекаются в поисках удачной партии женихи и невесты со всех земель. Какой-нибудь не очень знатный род, в надежде породниться со столь знатной семьёй и войти в круг приближённых к королеве, согласится женить на ней своего третьего или четвёртого сына. Или кто-то из дальних земель, из-за моря, какой-нибудь верр, которому безразлична её половинная кровь, а может даже и наоборот, веррам ведь нравятся светлокотие и светлоглазые.

Когда-то давно, в детстве, в одно утро отец вот также взял её с собой в путешествие. Горничная принесла саквояж с наспех собранными вещами для маленькой Кайи и, смахивая слезу, украдкой поцеловала её в щёку, послав на прощание охранный знак. После долгих мытарств по разным местам отец решил увезти её в Обитель и отдать на воспитание. Это случилось как раз после того, как Лейна – её мачеха, отстегала Кайю мокрым полотенцем и столкнула с лестницы. Провинность была проста – она разлила воду на её новые туфли. Отец кричал на Лейну за закрытой дверью их спальни, а Кайя пряталась под лестницей и всё слышала. Её не спросили, хочет ли она в Обитель, но потом она и сама решила, что так лучше.

Отец приезжал раз в полгода, а то и реже – последние годы воевал с лаарцами. Привозил ей платья, игрушки и сладости. Давал Настоятельнице указания насчёт её обучения. И она отчаянно ждала этих встреч. Каждое её утро начиналось с того, что просыпаясь, она смотрела в окно на пыльную дорогу, ведущую из Шерба, в надежде, что по ней едет карета отца. И когда он приезжал, в такие дни они обычно садились рядом в саду на скамье, и он смотрел на неё, слушая рассказы о местной жизни. Однажды она спросила о том, почему он так смотрит.

– Ты стала так на неё похожа, – ответил он грустно, заправляя ей за ухо непослушную прядь волос, – на свою мать. У неё были такие же волосы, каштановые и упрямые. И глаза – зелёные, как весенний лес.

После того, как он уехал, Кайя помчалась в аптеку к Наннэ и, выудив из её шкафа старое зеркало, оправленное в медную раму, села разглядывать своё лицо. Матери она не помнила почти совсем. Что-то смутное, в основном песни. Она хорошо пела. И смея.

Разглядывая себя в зеркале, Кайя не понимала, как она может быть похожа на мать, если та была красавицей – так говорил отец, а она больше похожа на долговязого нескладного журавля: худая и высокая, самая высокая среди своих сверстниц в Обители. Да ещё вечно расчёпанные каштановые волосы, которые никогда не слушались гребня и норовили выбиваться из-под платка или ленты. Веснушки на носу. И глаза слишком большие для её лица, и не такие зелёные, как у матери, слава Богам, и благодаря этому она не так уж сильно похожа на веду. Вед никто не любит. И только старая Наннэ, что делала микстуры, настойки и порошки, звала их Детями Леса, только она говорила, что не нужно бояться своих корней.

Но Кайя знала, что ведой быть плохо. Она запомнила, как в тот первый день в Обители отец, передавая деньги Настоятельнице, сказал:

– Воспитайте её человеком. И сделайте из неё леди.

Поэтому она никому не говорила, что слышит деревья – она и старалась их не слышать. Не откликалась на зов весны. Никогда не рассказывала о снах, которые видела, о том, что гово-

рила ей старая Наннэ, и старательно прятала свои кудри, заплетая в толстую косу, а веснушки выводила соком петрушки. Она старалась быть покладистой и прилежной – человеком и леди, такой, какой хотел её видеть отец.

– Я пригласил почтенную Маргаретту заняться всем – она ждёт внизу, – произнёс генерал устало. – Она поможет найти тебе подходящую партию, подберёт платья, и прочее: ленты, туфли и всё, что там ещё полагается невесте, и подготовит тебя к балу. Ты сама выберешь себе жениха, Кайя, и я соглашусь с твоим выбором, каким бы он ни был. Муж позаботится о тебе и защитит, если... меня не станет. А теперь мне нужно уехать в город.

Он встал, поцеловал её в макушку и вышел, прихватив с собой свиток.

* * *

Почтенная Маргаретта – пышная дама, затянутая в тугой атласный корсет, напудренная и надушенная, разглядывала Кайю недолго. Подбоченилась, поцокала языком и произнесла:

– Ну, милая, времени у нас совсем немного, а с твоим ростом, пожалуй, ко всем платьям придётся подбивать понизу кружево. А руки! Боги милосердные, ты ими что, копалась в золе?

Кайя посмотрела на свои руки, загорелые, огрубевшие, с короткими неровно обрезанными ногтями, и подумала, может, она такая и не понравится никому, тогда и замуж можно будет не выходить.

– И этот загар! Как будто ты работала в поле!

А она и работала. В Обители приходилось собирать виноград, лаванду, оливки и розовые лепестки, работать в огороде и саду. Её оплаченная жизнь там отличалась от жизни сирот только тем, что вечером она, зевая, брела в классную комнату изучать языки, письмо или танцы, а они – доить коз и мыть посуду. Но это уж точно не интересно почтенной Маргаретте, разглядывающей её, как породистого скакуна. Кайя подумала, что, может, ей ещё и зубы показать, но в Обители за такое бы высекли, и она по привычке промолчала.

Маргаретта завершила её осмотр тем, что подняла двумя пальцами выбившуюся из косы прядь волос, хмыкнула, затем заставила снять туфли.

– И нога-то у тебя, милочка, как у солдата. Тут не обойтись без соли и масла...

На этом унижительный осмотр закончился. Маргаретта отослала с поручениями девочку, всё это время терпеливо стоявшую у дверей, и кликнула всех горничных.

Кайя недоумённо смотрела на то, как они беспрекословно слушаются эту дородную даму, и тихонько спросила у одной из служанок:

– А кто она такая?

– Почтенная Маргаретта? Это же лучшая сваха во всей Рокне! Она может удачно выдать замуж даже столетний пень, – хихикнула девушка, – и она стоит очень дорого! Вам повезло, миледи!

Повезло...

Служанки носились радостно. Вскоре дом наполнился людьми, появилась худая рыжая женщина с ворохом платьев, за ней шляпник, сапожник и девушка со склянками в корзинке. Белошвейка, цветочница и аптекарь. Разложили всё принесённое в большой зале на столе, на кушетках и даже на полу. Почтенная Маргаретта сидела в кресле посреди этого женского богатства, окружённая нижними юбками из тафты, шляпками, перчатками, бархатными и парчовыми туфлями, шёлком, органзой, кружевами и вуалью, нюхала по очереди склянки и, покрикивая на помощниц, рассказывала Кайе о достоинствах некоторых мужчин, которым её представят на балу.

Сапожник примерил ей несколько заготовок для туфель, подобрал подходящие и обещал к утру перетянуть их зелёной парчой и тонкой кожей. Шляпник оставил картонки со своими творениями – веерами и шляпами для примерки, а аптекарь – румяна, духи, ароматное масло,

соль и ещё какие-то склянки тёмного стекла с содержимым, о котором приходилось только догадываться.

Помощницы старались и на окрики почтенной Маргаретты лишь втягивали головы в плечи и хихикали. Одна из них готовила отвар для волос из луковой шелухи и каштана – придать их тёмной рыжине шелковистости и блеска. Вторая орудовала широким костяным гребнем, пытаясь совладать с непокорными кудрями будущей невесты, и разбирала их на прядки. Третья распаривала ей ноги, драла пятки пористым камнем и втирала масло, а ещё одна мазала плечи Кайи кислым молоком, чтобы свести загар.

А три белошвейки сидели поодаль, корпели над кружевом, мелькая иглами – удлинляли платье.

Сбежать из этого кошмара она смогла только к вечеру. И хотя почтенная Маргаретта строго-настрого запретила выходить на солнце, Кайя всё равно ушла во внутренний дворик – решила прогуляться подальше от любопытных глаз в тени олеандров.

Ощущала ли она себя невестой? Нет.

Раз в год в канун праздника урожая начинался знаменитый карнавал Рокны. Отпрыски из разных семей бросали свои обычные дела: интриги, войну, склоки и торговлю, и собирались здесь. Три дня перемирия, три дня празднеств и гуляний, три дня на то, чтобы они могли подобрать женихов и невест, заключить новые политические и торговые союзы, завести новых друзей или новых врагов. Каждый год девушки, которым не посчастливилось найти себе достойную пару, приезжали на этот бал, чтобы быть представленными в качестве невест.

Почтенная Маргаретта расписывала во всех красках как же Кайе повезёт всё это увидеть: украшенный гирляндами из цветов изумительный дворец Лирайе, ливрейных слуг, сотни золотых и серебряных канделябров, розовое игристое вино и редкие блюда.

– Милая ты едва ли пробовала копчёных угрей, – обмахивалась веером почтенная Маргаретта, – а лимонное суфле? Клубнику в меду и шоколад?

В Обители изысками не баловали...

А почтенная Маргаретта всё говорила и говорила: про маскарад и фейерверки, про то, что на бал соберётся весь цвет знати и, конечно же, про танцы.

Город будет веселиться, город будет пьян и беспечен, народные гулянья пройдут по улицам, но главное торжество будет во дворце, и это – бал невест.

Кайя не любила танцы. Вернее, может, и любила бы, если бы умела хорошо танцевать.

Девочки в монастыре занимались танцами через день. А какая в этом радость, если каждый раз Кайе, как самой высокой из них, приходилось изображать чьего-нибудь кавалера? И она, когда могла, сбегала к старой Наннэ в оранжерею или в лекарню, где та готовила порошки и микстуры и рассказывала разные истории. Наннэ умела хорошо рассказывать, а Кайя умела слушать. Забравшись на скамью или старый бочонок, она помогала толочь листья в ступке, слушая напевный негромкий голос, который убаюкивал, заставляя уноситься вдаль к красивым городам и далёким странам. В её историях все девушки были красивы, а мужчины благородны, злодеи коварны, а добродетель вознаграждалась. И зло всегда было ужасным, причиняя героям столько мук, что временами Кайя вскрикивала в страхе или тихонько вытирала слёзы в ожидании того, когда же добро победит. Добро всегда побеждало у последней черты, на самой грани, тогда, когда верить уже перестаёшь, вымучив героев и выпив досуха. И каждый раз ей хотелось слушать ещё.

Наверное, потому она и не научилась хорошо танцевать.

– Миледи? Прошу проще... – голос Дарри вырвал её из раздумий и заставил вздрогнуть. – Кайя? Простите, я вас не узнал!

Она обернулась. Капитан стоял на дорожке, ведущей к дому, и странно смотрел на неё, будто не веря своим глазам, и от его взгляда она смутилась. Старания почтенной Маргаретты не прошли даром. На Кайю натянули пышное светлое платье, зашнуровав корсет так, что она

едва могла дышать, уложили волосы на затылке – высокую причёску Маргаретта не одобрила: «Куда вы из неё жердь делаете? – прикрикнула на помощниц и пробормотала: – И так уж верба знатная, да ещё каблуки будут».

Украсили локоны лентами, даже веер дали, только она его оставила в библиотеке. И туфли на ней были по южной моде – на каблуках, чтобы до бала привыкла и не ковыляла, как гусыня.

– Я просто задумалась, – Кайя всплеснула руками в тонких кружевных перчатках, которые ей пришлось надеть, чтобы руки снова не загорели, и, повертев ими, смущённо добавила, – вот, теперь придётся всё это носить.

Дарри, видно, только что приехал, его начищенные сапоги слегка припорошило пылью, и волосы растрепались. Тёплые сумерки, сгущаясь под деревьями, окутали их, смягчив черты лиц, румянец и неловкость.

– Всё это вам очень идёт. Я даже не сразу вас узнал, подумал – кто эта незнакомая красивая леди, которая гуляет здесь одна? – улыбнулся капитан.

– Я чувствую себя такой неповоротливой во всём этом, – она грустно улыбнулась в ответ и вздохнула: – Даже не знаю, что мне со всем этим делать на балу.

– На балу?

– Бал невест. Вы разве не знаете?

– О чём?

– Вы разве не знали, что отец велел меня привезти сюда, чтобы выдать замуж? – она посмотрела ему прямо в глаза. – Я думала, вы просто деликатно умолчали...

– Что? – Дарри был удивлён.

– Значит, действительно не знали? Простите, я была уверена, что вы просто скрыли это от меня, – она вздохнула, сложив перед собой руки в перчатках. – Бал невест. Он нанял сваху, чтобы подыскала мне подходящую партию. Это случится уже послезавтра.

– И вы... – Дарри снял шляпу, отстегнул саблю и положил на скамью рядом. Лицо его стало сразу серьёзным, – ... вы как будто расстроены?

Но было видно, что он и сам растерян не меньше Кайи.

– Я не хочу замуж! – выпалила она, чувствуя, как её душат слёзы и горло стягивает обруч обиды. – Отец сказал, что он может погибнуть в битве за этот перевал! И ещё сказал, что должен отдать меня замуж до того, как уедет туда!

И внезапно всё, что накопилось в душе, прорвалось потоком, она всплеснула руками, смахнула слезинку и начала говорить.

Говорила о том, что хочет вернуться обратно в Обитель, и чтобы всё осталось по-прежнему. Что она не хочет, чтобы отец снова ехал на эту войну. Не хочет выбирать мужа из тех людей, о которых ей рассказывала Маргаретта: хромого вдовца, раненого в битве с лаарцами, которому, наверное, сто лет, раз он уже женил троих сыновей, а вот теперь решил пожить для себя, заведя молодую жену. Или толстого купца из Эддара, торгующего шерстью и владеющего тремя кораблями. Или младшего отпрыска рода Миррейн, чей отец служил одним из лесничих королевы – тощего заикающегося юношу, наследующего в будущем триста льяров земли под Индагаром.

Все предполагаемые женихи в списке почтенной Маргаретты были такими. Знатные женятся на знатных, красавцы – на красавицах, принцы – на принцессах, а полукровки и бастарды выходят замуж за калек, престарелых вдовцов или чудных заморских торговцев в оранжевых и фиолетовых платьях и тюрбанах.

Дарри слушал молча, не перебивая.

– Простите, – прошептала она тихо, – я не должна была всего этого говорить вам. Но мне больше не с кем поделиться.

– Ничего, миледи. Всем иногда нужно выговориться, хоть вон кустам, но рассказать, что на душе.

Голос у него был тёплый, заботливый, без тени насмешки, так что Кайе даже легче стало – хоть один друг, но у неё всё же есть.

– Спасибо вам, мне будет этого не хватать.

– Этого? Чего «этого»?

– Того, как мы говорили с вами во время поездки, – она промокнула перчатками уголки глаз. – Нашей дружбы.

– Миледи, может мне и не полагается задавать таких вопросов, но я уж спрошу, а вы сами решите, отвечать или нет. Раз вы не хотите замуж, то чего же вы хотите? – спросил Дарри, и голос его был тихим, настороженным.

– Я не знаю... В Обители мне больше всего хотелось, чтобы у меня был свой дом. Хоть какой-нибудь маленький, деревянный из одной комнатки и полкварда земли, но свой! Я понимаю, что мой отец желает мне добра. И, выйдя замуж, я обрету, наверное, свой дом. Но я не думала... я надеялась, что всё это будет не так. Я хочу, чтобы... если выходить замуж, то за того, от чьего взгляда сердце тает, с кем захочется всё разделить, как говорят в Храме – в горе и радости, и с кем можно поговорить, вот как с вами, а не потому, что у него триста льяров земли! Мне же не с землёй жить! – выпалила она и вдруг поняла, что точно сказала чего-то лишнего, потому что Дарри шагнул навстречу и взял её руки в свои.

– Миледи... Кайя...

Да что же она такое говорит! Да ещё в присутствии мужчины! Что на неё нашло!

В Обители за такое бы высекли нещадно. На горюх поставили, чтобы вернуть разум. Она посмотрела на Дарри и разом поняла – никакой он ей не брат и не друг. Его горящий взгляд и хриплый голос, и этот порыв...

О Боги, какая же она наивная! Как же в сумятице этой дороги, в усталости и круговороте дней, наполненных событиями, надеждами и страхами, она не увидела этого!

Кайя выдернула руки.

– Простите, я не должна была говорить вам такого! – и бросилась бежать в дом.

Бегать она умела хорошо, хотя каблуки мешали и платье путалось в ногах, а от сжимавшего грудь корсета дышать приходилось часто-часто. Но Дарри догонять её не стал. Улыбнулся. Постоял в сумерках некоторое время, пристегнул саблю, одёрнул мундир и пошёл к генералу.

* * *

Когда Дарри закончил доклад, на башне в городе пробили закат, и ночь опустилась, рассыпав звёзды над горизонтом – Парус и Тур поднимались из морской воды, посеребрённой тонким месяцем. Генерал дописал свиток, посыпал песком, подул и произнёс, глядя на капитана:

– Завтра заберёшь в банке расписки. А это держи, – протянул свиток, – и к вечеру поедешь. Твои разведчики в городе? Что-то я их не видел.

– В этом городе мужчина всегда найдёт себе занятие по душе, – усмехнулся капитан. – А они – люди вольные.

– Это уж точно, – усмехнулся генерал, – забирай их завтра с собой, не хотелось бы лишиться лучших разведчиков в пьяной драке.

– Я хотел поговорить ещё кое о чём, ваша светлость, – голос Дарри стал непривычно сух и серьёзен.

Генерал посмотрел на него внимательно.

– И о чём?

– О... вашей дочери.

Между ними повисло молчание. Генерал смотрел на Дарри, а тот не отводил глаз, непривычно вытянувшись в струнку.

– Ну? Говори, – наконец, произнёс генерал, хмыкнул и добавил, – хотя знаешь, подумай сначала хорошенько.

– Я уже всё обдумал, ваша светлость, – ответил капитан бесстрастно.

– И? – генерал поднялся из-за стола.

– Мой род не богат, ваша светлость, но знатен, и принадлежит к десяти первым семьям Ирмелина. Имя моих предков и герб висят в Зале лучших воинов, и я с честью ношу свой мундир. Моё имя не запятнано трусостью, и вы всегда были довольны моей службой – я не давал повода усомниться в моей честности и храбрости. И я хочу просить руки вашей дочери Кайи. Я смогу позаботиться о ней, дать ей своё имя и защиту, и буду для неё хорошим мужем.

Он поклонился.

Генерал посмотрел на него как-то странно, усмехнулся горько и, взяв со стола бутылку вина, налил в два бокала, один из которых протянул Дарри.

– Выпей, капитан. Тебе это не мешает сейчас, – он присел на подлокотник кресла и произнёс, глядя куда – то в угол, рассеянно и устало: – Скажи-ка мне, капитан, только дай слово, что не соврёшь.

– Клянусь своим именем и родом, – ответил Дарри с готовностью.

– Зачем она тебе?

Дарри выпил вино и, поставив бокал на стол, ответил коротко и просто:

– Я хочу жениться.

– Это понятно. Но ты мог бы найти себе более выгодную партию, ту, которая приумножит богатство твоего дома. А у Кайи почти нет никакого приданного, а я... Может, я и до первого снега не доживу.

– Это не важно, ваша светлость.

– Что не важно? Думаешь, я не знаю, что королева посулила тебе сто тысяч ланей за Зверя? Думаешь, я не знаю, почему ты за ним гоняешься, рискуя в любой момент погибнуть? Я знаю твоего отца, я знаю, что с тех земель, что у вас остались, вы получаете слишком мало ренты, и что ты даже половину своего жалованья отдал, чтобы заплатить королевский налог. Но с твоим именем и славой первого разведчика ты можешь найти хорошую партию, которая поможет вашей семье поправить положение.

Карие глаза Дарри сделались совсем тёмными, брови сошлись на переносице, он усмехнулся и ответил:

– Я бы мог, наверное, это сделать, ваша светлость. Если бы хотел. И сделал бы уже давно. Но позвольте мне всё же просить руки вашей дочери.

– Ну так ответь тогда – зачем она тебе? Корысти с неё никакой, – генерал сверлил его взглядом.

Дарри замялся так, будто не мог подобрать нужных слов или боялся их произнести.

– Я... люблю её, ваша светлость. И ничего не могу с этим поделать. Но вряд ли вы это поймёте.

Они смотрели друг на друга, и Дарри чувствовал, что даже в глаза Зверю ему смотреть было бы проще, чем сейчас в глаза генералу.

– Думаешь, я не понимаю? Я понимаю, – грустно ответил тот, – поверь. Я очень хорошо тебя понимаю. И я был на твоём месте. В точности так же, почти двадцать лет назад, когда встретил её мать... – он выпил вино и налил себе ещё. – Лето было, самая середина. Мы ехали в гости к Лейне, будущей леди Альбе, мой отец хотел договориться о браке с её отцом. Всё было почти решено, наши дома должны были породниться, Лейна меня любила и мне она нравилась... Визит вежливости и обмен подарками, везли золотую посуду, дорогую саблю и хорошего скакуна. Я был молод, горяч и глуп, поскакал вперёд и заблудился, веришь ли, в том

лесу, в котором охотился с детства! Лошадь попала ногой в кротовину и захромала. И тут на тропинку вышла она... С букетом ромашек, в светлом платье. Кайя на неё очень похожа...

Генерал отвернулся к окну, стал смотреть в темноту и, казалось, говорил он сам собой или с кем-то невидимым, кто скрывался в ветвях деревьев на другой стороне улицы. Пламя свечей колебалось от сквозняка и на стенах плясали причудливые тени.

– Она улыбнулась и вывела меня к дороге. Её звали Рия. И я пропал. Отказался от помолвки, ушёл из дому и женился на ней против воли отца. Женился по законам вед, потому что ни в одном Храме нам не дали благословения – отец постарался. Но я был счастлив, до безумия счастлив. Два коротких года. В итоге, капитан, я потерял её. Осталась только Кайя. И иногда, глядя на неё, я всё ещё вижу Рию. А моя жизнь... моя настоящая жизнь, осталась там, с ней. И с той поры я живу, как будто во сне. За это леди Альба ненавидит меня, не может простить того моего предательства и того, что я всё ещё не могу забыть Рию. Так что я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, капитан. Она веда... И это притяжение, которому невозможно сопротивляться. Но я знаю, чем всё закончится...

Он повернулся, и Дарри показалось, что лицо генерала сильнее осунулось, две печальных складки протянулись от крыльев носа вниз, к уголкам губ.

– Твоя семья от тебя отвернётся, как отвернулась моя. Ты станешь изгоем с женой ведой. Вы будете скитаться, ища подходящий угол. Ты не продвинешься по службе дальше капитана. Тебя не примут ни в одном доме. Ни одна человеческая женщина в своём уме не пустит в дом молодую веду. Я обещал Рие, что сделаю Кайю счастливой... Поэтому я привёз её сюда – дать выбор. Потому что веды сами выбирают себе мужей. Если она решит – ничто её не остановит, и не один мужчина не может этому сопротивляться. Вот и Рия тогда в лесу просто приманила мою лошадь. И как бы я ни хотел, чтобы Ладдэрис сделала из Кайи человека, она так и не смогла. Достаточно взглянуть в её глаза, чтобы это стало понятно.

– А если она захочет выбрать меня? – спросил Дарри твёрдо.

– А если мы все погибнем в битве за перевал, капитан? Я сам, вот как тебя, слышал этого треклятого лаарского шептуна: они умрут все там и заберут нас с собой – так он сказал. И знаешь, я ему верю. Что я уважаю в айяаррах, так это умение держать своё слово. А если мы погибнем, что станет с моей девочкой? Что стало бы с твоей женой-ведой, если бы ты не вернулся с войны? Хорошо, если её просто выгонят из дома с котомкой...

Он плеснул ещё вина и себе, и капитану.

– ...Я тебя знаю, Дарри, и лучшего мужа едва ли мог желать моей девочке, но я также знаю, на что ты обрекаешь этим и себя, и её. Нет Дарри, я не отдам тебе её в жёны, и поверь, этим я спасаю тебя, а не проявляю самодурство. Так что, не нужно забирать расписки из банка, я сам заберу. А тебе лучше выехать отсюда ещё до рассвета.

Глава 6. Обещание

В Ирмелин приехали к вечеру.

Два дня Дарри гнал коней, как сумасшедший. Его люди едва поспевали. Под конец Бёртон не выдержал, подъехав поближе, спросил, да так, чтобы другие не слышали:

– Капитан, нечто мы убили кого в Рокне? Чегой-то ты сдёрнул нас посреди ночи и куда мы летим, будто тати какие? Вроде как за нами никто не гонится! Что стряслось-то? Может скажешь наконец?

– Ничего. Просто надо спешить.

– Ай, капитан, я тебя триста лет знаю! С той поры, как ты влетел ко мне ночью в Рокне, как нетопырь, на тебе лица нет. Так, что стряслось-то?

– Послушай Бёртон, ничего не стряслось, или ты забыл, что нам ещё к таврачьей бабке успеть надо? – огрызнулся капитан.

– Дык, месяц ещё только родился.

– Народился – не родился! Какая теперь разница? Или ты в борделях всю память пропил и не помнишь, что в последний раз было в Брохе? Полнолуния ждать не будем. Нам надо поскорее поймать эту тварь!

– А какого рожна мы в Ирмелин-то припёрлись? Нам, вроде как, в другую сторону. Чегой-то ты темнишь, капитан!

– Бёртон, ты бы это... не совал нос, куда не следует, а то, как ты там сам любишь повторять: «Кошка скребёт на свой хребет», – скупой ответил Дарри.

Бёртон посмотрел на его хмурое лицо и пробубнил себе под нос:

– Видать, много я болтаю лишнего. Но как скажешь, капитан, чужой балаган не наше дело, конечно.

А Дарри думал о словах генерала, как он на прощание, уже в дверях, остановил его, расстроенного отказом, и, положив руку на плечо, сказал:

– Ты бы заехал к родным на обратном пути, мало ли как дальше сложится всё...

Он замолчал, но Дарри понял.

Увидеться в последний раз. Попрощаться.

Потому и сделал крюк, заехал в родной дом.

Зáмок Абалейн стоял на холме, по склонам окружённый вишнёвыми садами. От моста вдоль дороги тянулась деревня, уходя вниз, к реке. Но Дарри не поехал по дороге, срезал напрямую через овраг, между сохнувшими возле овина снопами. Перемахнул покосившийся низенький плетень сыроварни и выехал прямо к воротам.

Его отряд отстал, и он был этому рад, хотелось побыть в одиночестве. Всю дорогу думал, ругая себя на все лады, и когда кто-то прерывал его мысли, был зол и огрызнулся.

Чем он только слушал? Веды сами выбирают себе мужей!

Почему он не признался ей? Видел же, как вспыхнули её глаза, когда он взял её за руку! Как она смущалась и краснела, теребя свои перчатки. Сказал бы! Она бы его и выбрала! Кого же ещё ей выбирать? И генерал согласился бы с её выбором. И ведь знал, что так и будет, потому и сослал его до рассвета из Рокны. А он тоже хорош, обиделся и поехал! Идиот! Болван! Дурень!

За всю дорогу он передумал много, но когда решился повернуть назад, понял, что уже опоздает. Осознание того, что он обидчивый тугодум, привело его в ярость и, взяв на привале саблю, Дарри пошёл и порубил в клочья заросли бузины. Но полегчать – не полегчало. Его люди делали вид, что не замечают, что с капитаном что-то происходит, и только Бёртон в очередной раз принялся его корить, пока никто не слышал.

Но после ужина в замке Абалейн, когда его люди, взяв по кружке, пошли на конюшню, чтобы нечаянным крепким словцом не оскорбить леди Абалейн и её дочерей, а сам Дарри сел с отцом у камина обсудить разное, он подумал: может, генерал был прав? Он смотрел на огонь и размышлял, слушая рассказ отца о том, сколько зерна собрали в этом году и как вырос долг перед казной, а что, если бы он сказал сейчас, что хочет жениться на веле? Отец стар, замок обветшал, ещё нужно выдать замуж двух сестёр, а, кроме него и старого отца, единственному мужчине в их семье всего-то восемь лет. Что будет, если Дарри погибнет на перевале? Привести сейчас жену-веду в этот дом и оставить её тут было бы глупостью. Но в груди саднило так, словно по сердцу прошлись когтями.

– Ты что-то задумчив, сынок, – отец смотрел на него и щурился – видел уже совсем плохо.

– Нет, просто устал с дороги, – ответил Дарри, пошевелив угли в камине.

От тепла и вина разморило совсем, три дня бешеной скачки и злости давали о себе знать. И вкусный ужин, семья, тишина и спокойствие понемногу расслабили капитана. Он вытянул ноги к огню и закрыл глаза...

– Я тут не хотел говорить при леди Абалейн и твоих сёстрах...

Было что-то в голосе отца такое, заставившее Дарри открыть глаза и повернуться.

– Знаешь... Ройгард погиб.

– Что?

Ройгард Лардо – старший сын Айгарда Лардо, князь Ястребиной Скалы, их сосед и друг Дарри.

– Когда?!

– Позавчера.

Дарри долго смотрел на огонь, вспоминая, как вместе с Ройгардом они впервые поймали в силки куропатку, как Айгард учил его стрелять по летящим уткам, как охотились на оленя, делили ирмелинских невест и подглядывали из кустов за купавшимися у водопадов девушками...

– Как это случилось?

– Говорят, медведь задрал.

– Медведь? Сейчас? Осенью?

– Так говорят, – отец покряхтел, закутывая пледом колени, – Айгард не выходит из дому и никого не принимает, леди Лардо слегла, а в Ястребиной Скале вчера весь день были храмовники. Я никому поэтому пока и не сказал – пусть все уляжется. Не хватало нам тут храмовников с их огнивом, мало чего им покажется – спалят всё, не задумываясь. Обождём. Но дело нечисто, сынок, всё держат втайне, никто ничего не говорит. Я и то всё это случайно от лекаря узнал, встретил на дороге, когда он ехал от леди Лардо.

– И что сказал лекарь? – нехорошее что-то ворочалось у Дарри внутри.

– Лекарь? Говорит, медведь. Но какой медведь и откуда здесь? Давно ли ты у нас тут медведей видел, да ещё по осени? И вот лекарь то ли был пьян, то ли... видел бы ты его глаза. И руки у него тряслись, когда расспрашивать стал. И объяснить толком ничего не смог, а как я понял, он и тела-то даже не видел – бормотал что-то непонятное.

– Где это случилось?

– Вроде как на реке, у заводи за водопадом, где вы любите охотиться на уток.

На заре, пока все спали, Дарри растолкал Бёртона и, шикнув, чтобы тот не разбудил остальных, вытолкал его на конюшню. Оседлали лошадей и поскакали к реке. Бёртон зевал и бормотал ругательства, но скакал вслед за капитаном.

Утро было промозглым и сырым. На востоке небо подёрнулось алым, чернота ночи растворялась, перетекая в серую мглу, а в долинах полосами лежал низовой туман. Пахло прелой листвой и дымом – в поместье уже топились печи. Они поехали вдоль реки по убраным полям

и сенокосам. В тумане звуки глохли, и хотелось говорить тише, так, что Бёртон, поравнявшись с капитаном, спросил шёпотом:

– Куда едем-то?

– В одно место, – ответил тот коротко и только прищипорил коня.

Скакал смело, хоть и дороги почти не было видно, а Бёртон ехал за ним, бранясь и думая, что вот так вслепую и шею себе свернуть недолго. Ехали долго, туман поднялся выше и рас-
свело. Наконец, Дарри вскинув руку вверх, резко остановился, прыгнул и протянул Бёртону поводья:

– Стой здесь.

Лошади потоптались на месте и принялись выщипывать из жухлой осенней травы редкие зелёные стебли. Справа шумела река, судя по звуку, натыкалась на пороги, на этот звук и пошёл Дарри. Остановился, опустившись на одно колено, потрогал траву, а после исчез в зарослях тальника. Вернулся спустя некоторое время с саблей в руках.

– Что стряслось? – спросил Бёртон, на капитане лица не было.

Дарри положил руки на луку седла и стоял, глядя на осиновую рощицу на другой стороне реки, будто и не слышал вопроса.

– Капитан?

– Зверь... Он был здесь, – ответил, наконец, хрипло.

– Да не может быть! Это же за столько от границы?!

– Может, Бёрт! Может! – Дарри запрыгнул на лошадь. – Он убил моего друга...

– Здесь?

– Да, – капитан посмотрел ещё раз в сторону леса, на небо и шумящую реку, и сглотнул, казалось, ему не хватало воздуха, а потом добавил: – И за это... нет Бёрт, я не буду его больше ловить. Я его убью. Сам. Обещаю.

Глава 7. Лучшая партия

...готовы, ваша милость, в обмен на вашу протекцию обеспечить большие поставки для нужд армии, не молод, конечно, но очень богат...

...племянника помочь продвинуть по службе, ваша милость...

...замолвить слово перед королевой, мальчишка же, дуэль-то глупость была, всё-таки старший сын, а младшенького готовы женить, он, правда, немного кобсенький и прихрамывает, но надел земли обещают очень хороший...

Почтенная Маргаретта шептала генералу прямо в ухо. Она то исчезала в толпе, то внезапно появлялась с очередным кандидатом, представляя его генералу и Кайе.

Тот, который был «не молод», на самом деле оказался седым как лунь глубоким стариком, он и видел-то плохо и как будто и вовсе не интересовался невестой, а, скорее, тем, куда бы присесть – больные ноги его едва держали.

«Кобсенький» оказался совсем юн и сильно приволакивал ногу, а его макушка оказалась где – то на уровне носа Кайи, и как только она представила их вместе в Храме, ей захотелось плакать. Было жаль и его, и себя.

Купец таращился на неё сначала, как на неведомого зверя, потом вынул пенсне из кармана красного парчового жилета, обтянувшего огромный живот, и, водрузив его на нос, принялся разглядывать будущую невесту внимательно, как тук шёлка или шерстяной камзол. Наконец, расплылся в довольной улыбке и припал поцелуем к её руке так, что у Кайи даже холодок пополз по спине от отвращения – губы у него были огромные и мокрые, как те ужасные моллюски, которых здесь продавали на рынке в корзинах, и, казалось, мокрой стала даже её кружевная перчатка.

А Маргаретта всё приводила и приводила женихов, шепча без усталости отцу на ухо подробности предложений. И хотя каждый из них, стоило ему увидеть Кайю, начинал глупо улыбаться, целовать руки и оговаривать танец, было понятно, что её молодость и красота всего лишь приятное дополнение к сделке, которую устраивала почтенная Маргаретта с генералом.

Отец привёз Кайе кольцо – большой изумруд в золотой оправе. На неё надели светло-зелёное платье – Маргаретта сказала, нужно подчеркнуть цвет глаз, раз уж больше нечем хвастать. Волосы уложили на шее валиком и украсили гарденией, завили две длинных прядки на висках. И затянули корсет так, что всё время кружилась голова.

Но Маргаретта сунула ей флакон солей в крохотную атласную сумочку на поясе со словами: «Настоящая леди никогда не расстаётся с ними и веером. Как только ты видишь, что мужчина допустил бестактность... – Кайя посмотрела непонимающе. – ...О Боги! Ну схватил, тебя, к примеру, за зад... то леди может себе позволить в обморок упасть или понюхать солей. А если полезет с поцелуями, то тут веер в самый раз и пригодится. Не понимаю, чему вас только учили в этом монастыре!».

Делать вино, масло, порошок от ран и отравлений, коз доить, писать, считать, говорить на семи языках Коринтии и Побережья, много ещё чему. Да только всё это бессмысленно теперь.

Дворец Лирайе её удивил, как и предсказывала Маргаретта. Длинные мраморные лестницы, как распахнутые объятия, встречали всех и вели к большому залу с открытой террасой, где на столах, украшенных фигурами лебедей, стояли вино и закуски. Утопающие в цветах комнаты были полны нарядных гостей, между которыми туда-сюда сновали слуги в голубом шёлке. Фокусники и танцоры у фонтана веселили публику, а в большом зале оркестр играл изумительной красоты музыку на таких инструментах, каких Кайе видеть никогда не приходилось. Экипажи подъезжали один за другим, и глашатай едва успевал бить в гонг, объявляя

имя очередного гостя, а девушки в белых туниках бросали гостям под ноги лепестки роз и серпантин.

Отец протянул Кайе бокал и велел выпить немного. А она выпила бы и больше, напилась бы до бесчувствия, чтобы не видеть всей этой вереницы «хороших партий», которую тащила за собой почтенная Маргаретта. Хромых, косых, старых и толстых, раздевающих её глазами, воняющих пóтом и луком вперемешку с духами и ароматным маслом, которым все купцы тут зачем-то мазали волосы.

Первый танец ей пришлось танцевать со стариком из Скандры, страдающим отдышкой и подагрой. Он наступал на ноги ей, а она ему, и непонятно было, кто кого поддерживает. Он спросил её, далеко ли от Скандры дом, в котором она живёт, но Кайя даже не нашлась, что ответить. Сказать, что и дома у неё нет? Или что его и не было никогда? Подумала и ответила – далеко, на востоке. А в середине танца, сославшись на духоту, попросила отвести её на кушетку, и старик был этому только рад. Потом был купец, прижимавший её к своему большому животу с такой силой, что про духоту и придумывать не пришлось, она едва не потеряла сознание к концу танца. И даже нюхательные соли, которые впервые в жизни ейгодились, показались ароматными в сравнении с духами и пóтом купца.

Отказывать на Балу невест никому нельзя. И она танцевала с каждым, чувствуя только ужас и отчаянье, и в итоге пришла к мысли, что из всех кандидатов, она, пожалуй, выберет того «кóбенького» юнца, о котором Маргаретта, правда, отзывалась пренебрежительно. Он хотя бы бить её не будет. Да и во время танца он спрашивал, на каких языках она умеет говорить, и, узнав, что на семи, был сильно впечатлён, а когда музыка стихла, вёл её к кушетке торжественно и очень долго и церемонно кланялся. И не важно, что она почти на голову выше него. Какая, в общем-то, разница...

Хотя вот Дарри бы над ней начал подшучивать...

От этих воспоминаний стало больно. Неужели он так на неё обиделся за то, что она убежала? Уехал, даже не простившись.

Она шёлкала веером и думала о том, что завтра будет ещё один день этого кошмара – маскарад. Сегодня смотрины невест и женихов – весь вечер и полночи свахи и родственники будут обмениваться предложениями, а уж на маскараде эти предложения нужно будет принимать или отклонять. Завтра обещали приезд самой королевы, говорили, это большая удача, что её величество посетят в этом году Бал невест.

Кайя вышла на террасу, постояла, глядя, как внизу среди кустов цветущих роз факельщик дышал огнём и вращал подвешенные на цепях плошки с горящим маслом. Отец разговаривал с важными людьми, Маргаретта, обмахиваясь веером, тащила за руку лысоватого мужчину в атласном жилете, белых бриджах и с большим шёлковым галстуком во всю грудь, какие носят банкиры. И Кайя отошла в тень оливковых деревьев в больших вазонах, отделявших залу от террасы.

Может, её и не заметят.

Обернулась, будто почувствовав чей – то взгляд.

Мужчина стоял у окна в окружении трёх прелестных дам в светлых платьях и что-то им говорил, а они смеялись. Но смотрел он поверх их голов на Кайю. Смотрел очень внимательно...

Она его не знала, ведь их не представляли друг другу. Но не запомнить его было нельзя. Облик мужчины был безупречен: тёмные волосы, строгий чёрный фрак и белоснежная рубашка с жёстким воротничком, схваченным атласной бабочкой, из-за которого едва ли можно было согнуть шею. Лаковые сапоги, широкий атласный кушак на стройной талии. Бледное лицо, чёрные брови. И глаза, которые невозможно забыть.

Гречишный мёд или тёмный янтарь. И смотрел он так, что сердце уходило в пятки.

Кайя смутилась и отвела взгляд.

Лучше не смотреть. Такой мужчина вряд ли ищет себе пару на этом балу. Да и она уже, в общем-то, приняла решение. Надо быстрее с этим покончить.

– Миледи, вот вы где! – цепкая рука Маргаретты поймала её запястье. – А я вас ищу везде! Мэтр Браккай из Гидэлына, полгода как овдовевший, не знатен, конечно, но богат. Держит ссудный дом...

Она подтащила Кайю к тому месту, где стоял отец, но мэтра уже отодвинули в сторону – генералу церемонно кланялся тот самый мужчина во фраке.

– Ваша светлость, очень рад, – ответил голос низкий, напевный.

– И я весьма рад, – отец поклонился в ответ, – наслышан о вашей семье.

– Вы позволите следующий танец? – мужчина повернулся к Кайе.

– Но, а как же мэтр Браккай? – начала было почтенная Маргаретта, по правую руку которой стоял лысоватый мужчина в атласном жилете.

– Мэтр Браккай не будет против, так ведь? – с усмешкой произнёс мужчина, разглядывая ростовщика.

Тот почему-то не был против. Посмотрев на незнакомца, он как-то сразу потерял к Кайе интерес и отошёл в сторону.

– Кто он? – спросила Кайя шёпотом у Маргаретты. – Я не расслышала, когда его представляли отцу.

– Ах, если бы все девушки слушали то, что нужно, я бы осталась без дела, – усмехнулась довольная Маргаретта и, прикрываясь веером из рыжих перьев, прошептала Кайе на ухо, – это – Ройгард Лардо из Ирмелина. Между прочим, старший сын князя Лардо! И притом красавец. А? Ну вот и лучшая партия, верно, милая?

И это был лучший танец за весь вечер. Это был первый танец, от которого не хотелось махать веером, нюхать соли и молить Богов, чтобы музыка закончилась поскорее. Они вышли в центр зала. Её рука лежала поверх его руки, и от него исходила такая сила и уверенность, что люди невольно пропускали их, даже не понимая, почему они это делают.

Они встали друг напротив друга. С первыми аккордами приблизились ладонями, не касаясь. Медленный круг, плечо к плечу, глаза в глаза. И взгляд не оторвать. Не слышно гомона вокруг, и не заметила она, как все на них смотрят. И в глазах этих что-то такое, что и не даст оторваться.

Снова навстречу друг другу, лёгкое прикосновение пальцев, и снова назад. Ещё один круг. И в третий раз, приблизились. Ладони соприкоснулись, и вот его правая рука обхватила её талию. Он не прижимал её к себе, и не давил, но и не держал на расстоянии.

Ровно так, как нужно.

А в его левую ладонь, безвольная, опустилась её правая рука и легла почти невесомо. И он подхватил её уверенно и нежно.

Идеально.

Другой рукой Кайя придерживала платье, чуть отклонившись, боясь оказаться к Ройгарду слишком близко. Но даже и так, его дыхание опаляло ей шею, а сердце билось невыносимо громко. И волна дурмана накрыла её с головой. Они, кружась, летели по залу, носки туфель едва касались пола, и дыхание застывало в наивысшей точке. Она отпустила платье, шёлк струился и летел следом, взвивался, оборачиваясь вокруг его ног. А её рука сама легла на его плечо. И он притянул её к себе, не выпуская из плена своего взгляда.

Слишком близко, слишком опасно...

Ройгард не спрашивал её ни о чём и ничего не говорил. Только смотрел в глаза, когда позволяли фигуры танца. И этот взгляд был красноречивее всяких слов – прикасавшийся к волосам, ласкавший плечи... Этот взгляд шептал, гладил и целовал, скользя по губам и, задерживаясь на шее, там, где кольцо с изумрудом скрывало гулкие удары сердца, обжигал, заставляя её тело пылать.

Он предугадывает желания и её движения, как будто читает её мысли...

Лицо горело, и Кайя чувствовала пульс на шее, в висках и пальцах. И горячке этой объяснения не было, а воздух вокруг них будто пропитался грозой.

Это наваждение. Очнись, Кайя, очнись!

Но она не могла.

Когда танец закончился, Ройгард подвёл Кайю к кушетке и, низко склонившись, чуть коснулся губами кончиков пальцев.

– Вы доставили мне огромное удовольствие этим танцем, миледи, – прошептал он, – надеюсь, вы не будете против ещё одного танца?

Она хотела сказать: «Да», но не успела. Ройгард посмотрел куда-то поверх её головы, нахмурился и добавил:

– Хотя нет. В следующий раз. Миледи, мне очень жаль, но я вынужден вас покинуть. Надеюсь на скорое продолжение нашего знакомства.

Поклонился ей и генералу и быстро скрылся в толпе.

Музыка остановилась, по залу пробежало лёгкое волнение, и тут же за спиной Кайи появилась почтенная Маргаретта со словами:

– Королева прибыла! А ожидали только завтра!

Кайя обернулась, чтобы посмотреть, что же так смутило Ройгарда, и увидела красивую женщину рядом с князем Рокны. Зал замер, дамы присели в реверансе, мужчины склонились, и королева, махнув веером, велела продолжать веселье.

В Обители рассказывали о королеве разное. В основном шёпотом, в темноте спальни, когда уже были погашены свечи, и луна, пробиваясь сквозь занавески, ложилась на пол белыми квадратами призрачного света. После рассказов о духах, являвшихся ночами в девичьи сны, и страшных историй о Звере шли рассказы о королеве. Кто-то говорил, что она старуха, но выглядит как шестнадцатилетняя девица, что она красива до безумия, и, чтобы такой оставаться, пьёт кровь младенцев и девственниц, что каждое утро она купается в козьем молоке и ей служит армия колдунов. Кто-то рассказывал, что в ней есть кровь айяарров, и что она извела короля колдовством, чтобы завладеть тронem. И, конечно, увидеть королеву мечтала любая воспитанница Обители. Вспомнив все эти рассказы, Кайя подумала, что, наверное, что-то в них всё-таки было правдой.

Королева стояла в чёрном платье, расшитом серебром, и смотрела на зал с балкона. Она была прекрасна, хотя её облик и показался Кайе немного мрачным для праздника, устроенного в честь невест. В чёрных волосах сияла бриллиантовая диадема, и длинные серьги отражали свет тысячами искр. Но её лицо оставалось бесстрастным, несмотря на божественную улыбку, а чёрные глаза взирали на гостей равнодушно. Идеальные дуги бровей, фарфоровая кожа... Она была куда красивее любых рассказов о ней. И поверить в то, что ей служит армия колдунов, было совсем несложно.

Зачарованно глядя на неё, Кайя не видела, как Ройгард вышел на террасу, спустился по лестнице и, остановившись там, где тисовые аллеи растворялись в темноте вечера, сказал кому-то, стоявшему в тени деревьев:

– Как видишь, это было нетрудно. Осталось дело за малым. Но ты, конечно, можешь сделать всё по-своему – идти к королеве и умолять её на коленях.

– Я всё же попробую, – раздался из темноты низкий голос.

– Когда она вытрет о тебя ноги и натравит своих псов, ты вспомнишь, как был слеп и глух. А когда прозреешь – я буду ждать тебя на дороге в Ирмелин. Вместе с прелестной дочкой генерала. Тебе была нужна одна зима? Я выиграю тебе эту зиму...

* * *

Домой вернулись поздно ночью после оглушительного фейерверка, закрывшего Бал невест. Почтенная Маргаретта, раскрасневшаяся и довольная, торжественно понесла в библиотеку ворох карточек с предложениями – смотрины прошли великолепно.

А Кайю ноги едва держали. Она поднялась в спальню, разделась и легла на кровать, думая, что мгновенно уснёт, но сон не шёл. Лежала, пытаясь заснуть, но голова шла кругом, и мысли снова и снова возвращались в бальный зал. К тому танцу, к тому взгляду и жару рук Ройгарда Лардо.

Остаток ночи она ворочалась с боку на бок, её лихорадило, и все тело горело огнём. Задремала лишь под утро, но и во сне её всё равно преследовал этот взгляд...

Обжигаящий и странно знакомый.

Кайя встала на рассвете, ощущая себя опустошённой. Голова болела и кружилась, еда казалась отвратительной, и руки дрожали так, словно она выпила не меньше бочонка вина. А ведь всего-то бокал. И события вчерашней ночи казались нереальными.

Что с ней творится?

Она сидела в столовой, глядя на овсяные оладьи и мёд, на то, как почтенная Маргаретта щедро мажет их маслом, и чувствовала только дурноту. Ей хотелось выйти на воздух, умыться лицо и вдохнуть глубже. Избавиться от липкой паутины наваждения. От звуков, доносившихся из окна: криков молочника, проезжавшего мимо в своей повозке, и нудного воркования голубей. От запахов и слишком яркого света...

Карточка Ройгарда Лардо лежала на серебряном подносе первая, а за ней остальные. И их было много. Почтенная Маргаретта, отвратительно ковыряясь маленькой ложечкой в пашотнице, даже похвалила Кайю – столько предложений!

Столько чести для полукровки...

Она подмигнула и, указав глазами на первую карточку, произнесла шёпотом:

– Думаю, выбор очевиден, милая. И, кстати, он прислал вот это.

Достала из красного ридикюля коробочку, перевязанную атласной лентой, и протянула ей. Внутри на муаровой подкладке лежало массивное кольцо с огромным жёлтым топазом. Кайя вынула его и положила на ладонь. Камень был тёплым, мерцал и манил, и, не удержавшись, она надела его на палец.

Лёгкое тепло потекло по телу, головная боль отступила, и руки больше не дрожали. Перестала раздражать хлопавшая от ветра ставня. Запахи мятного чая, лимонного пирога и имбирного печенья приятно зашекотали ноздри. И как-то сразу все встало на свои места. Она взяла карточку, на которой размашистым почерком было написано «Ройгард Лардо», и улыбнулась Маргаретте.

– Значит, предложение принято?

– Да.

– Тогда, милая, сегодня у нас осталась ещё одна важная задача – маскарад.

– Но зачем нам идти на маскарад, если все уже решено? – спросила Кайя, разглядывая кольцо.

– Его милость и ты должны отблагодарить каждого из претендентов и подарить утешительный подарок – такова традиция. И на маскараде оглашают сложившиеся пары. А в этом году сама королева присутствует. И ты даже будешь ей представлена, что возможно только в этих обстоятельствах... ну ты же понимаешь?

Маргаретта отвела взгляд, разглядывая разгромленную яичную скорлупу.

– Я понимаю.

Она понимает. Только здесь, в Рокне на маскараде, когда лица скрыты масками, и можно взять чужую личину, только здесь полукровка и бастард может быть представлена королеве.

Отец долго расспрашивал её, почему она выбрала Ройгарда Лардо. Уверена ли она, что с этим человеком хочет прожить свою жизнь? А она смотрела на кольцо, манящее, почти как его глаза, и думала, что, конечно – она уверена!

– Почему ты сомневаешься, отец?

– Потому что дом Лардо не богат, а на старшего сына всегда большие надежды. Айгард Лардо стар, и поэтому сам не приехал, но почему его сын ищет невесту здесь, а не возьмёт себе в жёны одну из ирмелинских девушек? Да хоть бы сестру Дарри. Насколько я знаю, Ройгард и Дарри друзья. И что ещё меня смущает, девочка моя, он ничего не попросил взамен, вернее, попросил, но это так, мелочь, которая мне ничего не стоит. А ведь молодой человек с его внешними данными мог бы...

Генерал осёкся.

...найти себе более выгодную партию? Какую-нибудь богатую вдову, младшую дочь знатного рода, или купчиху, наконец, с тремя кораблями приданного...

– ...Ты ведь понимаешь, девочка моя? – добавил генерал, как будто извиняясь.

– Я понимаю...

Но Кайя не сомневалась. Пусть он не богат, она ведь не избалована богатством, его семья – древнейший род, а Ирмелин – хорошее место. Да и он – друг Дарри, а что может быть лучше, когда можно дружить семьями? Его не смущает то, что она полукровка, как не смущало и Дарри. И она, наверное, сможет быть там счастлива. Разве не может быть в этом мире для неё маленькой толики счастья?

– Ты уверена? – напоследок переспросил её отец.

– Да, уверена! – ответила Кайя, не сводя глаз с кольца.

Генерал взял карточку с именем Ройгарда и, написав ответ, вручил почтенной Маргаретте.

Та вернулась в обед с ответом – предложение принято.

– Милорд Лардо просит прощения, неотложные дела в Ирмелине вынуждают его уехать в поместье немедленно. Но он ждёт вас и Кайю в ближайшие дни в Ястребиной Скале для совершения обряда.

Глава 8. Маскарад

Генерал пробрался сквозь толпу к большой ложе, где восседала королева, наблюдая за маскарадом. В лиловом шёлковом платье, расшитом серебряными звёздами, и с бархатной маской на лице, тонкая и хрупкая, она выглядела сегодня совсем юной.

Он остановился у входа – королева говорила с кем-то из гостей и беспокоить её сейчас было бы невежливо. Тем более что разговор, как показалось генералу, был напряжённый. Гостя королевы он видел лишь издали – высокий мужчина в тёмном плаще до пола, с воротником из длинных рыжих перьев и в маске с большим птичьим клювом.

Из ложи доносились обрывки фраз:

– ...не поздно ли ты спохватился... теперь, когда я и так смогу всё получить... – говорила королева насмешливо.

– ...избежать ненужных потерь... – раздался низкий голос человека с клювом.

– ...кого волнуют потери?

– ...это слишком большая цена, и я сполна её заплатил...

– ...сполна? Я думаю иначе... хотя я впечатлена тем, как долго ты сопротивляешься...

Внизу, у фонтанов, с шумом закрутился фейерверк, рассыпая вокруг золото искр и заглушив ответ человека в маске. А когда шум стих, генерал услышал раздражённый голос королевы, звенящий сталью:

– ...и ты посмел явиться сюда и мне угрожать? ... когда мои войска войдут в город, я велю генералу Альбе выжечь это калёным железом на каждом из вас! А тебя повесят на площади... хотя нет, я велю посадить тебя на цепь и водить по городам с бродячим цирком – давать представления...

Ещё один фейерверк взорвался оглушительно.

– ...и тогда ты пожалеешь об этом! – в низком голосе человека в маске появились рычащие ноты.

Генерал отступил на два шага назад – нехорошо подслушивать разговоры её величества, а иногда это даже опасно. И вовремя. Гость королевы вышел стремительно, распахнув бархатные портьеры ложи и задев генерала плечом, также стремительно ушёл, не обернувшись и не извинившись. Но проучить наглеца времени не было, потому что слуга уже махал отчаянно – входите!

– Арджент Альба, мой храбрый генерал! – произнесла королева, протягивая ему руку для поцелуя.

Голос её был возбуждённым, игривым и раздражённым одновременно, и генерал подумал, что это плохой знак.

– Ваше величество, я безмерно рад видеть вас здесь...

Королева не слушала, даже не смотрела, пробежала глазами по толпе, но её недавнего гостя и след простыл. Тогда, обернувшись к генералу, она спросила:

– Когда же, мой славный Арджент, ты привезёшь мне лаарского зверя?

– Ваше величество...

– Я знаю, знаю! Читала твои письма, да и мои гонцы хвалят тебя, но, сколько же ещё ждать? Я хочу, чтобы до зимы ты взял этот перевал и сжёг Лааре дотла. Слышишь! Камня на камне не оставь от его проклятого логова! Я послала тебе в помощь ещё двух... хм, дознавателей... – она усмехнулась.

...колдунов. Хотя об этом нельзя говорить вслух.

– ...И ещё солдат. Астролог предсказал раннюю и снежную зиму, мой генерал... а ты здесь развлекаешься на балу...

– Ваше величество, идёт перегруппировка войск, ждём обозы...

– Знаю, знаю! – она похлопала его по плечу веером. – Дочь выдаёшь замуж?

– Как вы...

– ...узнала? – она улыбнулась лукаво и отвернулась, стала разглядывать в монокль танцующие пары. – Я все знаю, мой дорогой Арджент. А ты, оказывается, в юности был гулякой! Кем была её мать?

– Никем, ваше величество, – произнёс генерал, глядя в зал, – она умерла в родах, и воспитать её дочь... для меня это был долг чести.

– Ну и как? Нашёл ей подходящего жениха?

– Да, Ваше величество, завтра уезжаю. По дороге совершим обряд в Ирмелине и отбуду на границу.

– Ирмелин? Что же, я за тебя рада. Поезжай. Жду хороших новостей. И, кстати, если ты привезёшь мне Зверя в клетке, живым, я пожалую твоей незаконнорождённой дочурке какой-нибудь титул и землю. Так что сможешь сделать свою дочку баронессой. В обмен на Зверя, конечно! Хочу видеть его у своих ног поверженным.

Её глаза блеснули, она нервно хлопала по перилам сложенным веером, снова рассмеялась, и генералу очень не понравился этот смех.

* * *

Город был пьян ещё с обеда, а к вечеру карнавал выплеснулся на улицы Рокны. На каждой площади и перекрёстке шли представления, нарядные мужчины и женщины танцевали под дзуну и дудки, повсюду разливали молодое вино. В каждом кабаке, каждой таверне, каждом постоялом дворе сегодня выставляли глиняные бутылки и кувшины с пенящимся напитком.

– Три леи за пяток! – кричали вокруг, и это означало, что за три медяка можно взять пять бутылок.

В толпе мелькали маски, циркачи и ряженые. Юные таврачки в красных юбках плясали на площадях фривольные танцы с бубнами, швыряя в толпу конфетти.

К дворцу Лирайе почтенная Маргаретта и Кайя подъехали, когда он уже был полон, и танцы начались. Сегодня не было чопорных представлений, никто не бил в гонг, оповещая о прибытии. На мраморных лестницах резвились шуты и акробаты и на террасе вино лилось рекой. Тигры, львы, павлины, бабочки, стрекозы, лебеди и чудовища – маски были кругом. Маргаретта велела Кайе надеть алое платье, сказала, что к её росту только оно и подошло. Хотя Кайе наряд показался чересчур кричащим. Юбка – водопад алой тафты и шёлка, тугой корсет, который почти не давал дышать, а у туфель был слишком высокий каблук. Но Маргаретта сказала, что Ройгард – не карлик, да его и не будет на маскараде, а будучи теперь помолвленной, она точно может не стесняться. Волосы подняли наверх и украсили цветами, а лицо скрыли под чёрной бархатной маской. А ещё Маргаретта шёпотом велела ей выпить вина и не использовать веер, если кто-то вдруг захочет её поцеловать. И Кайя даже не знала, что сказать, а только смутилась.

– Это же карнавал, девочка, тут можно позволить себе всякие вольности. Потом ты выйдешь замуж и уж поверь, вряд ли тебе снова представится такая возможность. Повеселись от души! Как говорят в Рокне: «Веселись всегда так, как будто этот праздник последний».

Стоило им войти в зал, как её пригласили танцевать. И дальше она уже не могла остановиться: один танец за другим – незнакомые пьяные люди, и маски, маски, маски... Всем было уже всё равно с кем танцевать и что танцевать. Музыка была веселей, а танцы задорней, чем вчера. И не нужно было никому нравиться или кого-то выбирать.

Отец приехал на маскарад раньше, чтобы встретиться с королевой, а Кайю оставил на попечение Маргаретты. Но сегодня почтенная сваха не слишком её опекала, считая свою работу выполненной, и занималась тем, что сплетничала с гостями.

– Когда пробыёт гонг, будет представление королеве, так что будь рядом со мной к этому моменту, а пока развлекайся, – прошептала она.

Кайя покрутила кольцо на руке и вышла на террасу. По совету Маргаретты она выпила два бокала вина, и голова теперь непривычно кружилась. Нехорошо будет, если она оступится перед королевой в этих туфлях. Она спустилась с террасы вниз, прошла вдоль череды фонтанов к пруду, остановилась на ступенях, ведущих к воде, глядя на утонувший в темноте сад, мерцающий тут и там загадочными огнями. Айяаррские светильники. Она долго их разглядывала – удивительно, что это просто камни. Сияющие камни. Они освещали всё: сад, зал, террасу, и только здесь, на ступенях, было сумрачно и тихо. С негромким журчанием среди мраморных львов и самшитовых фигур в пруд стекал ручей. Кайя сняла маску, присела на берегу и опустила разгорячённые руки в прохладную воду. Несколько раз зачерпнула её ладонями и налила в вазон с засыхающим розмарином. Наннэ говорила, что любовь нужна всем, даже вот такому погибающему кустику. И если можешь дать каплю любви – дай.

– Кто же так заморил тебя, несчастный? Ну ничего, завтра утром ты уже придёшь в себя, – произнесла она вслух.

Уходи!

Взгляд она почувствовала спиной, ещё до того, как деревья прошептали.

– Девушка, говорящая с горшками, – раздался сзади негромкий голос.

Кайя вздрогнула, вскочила и обернулась. Из окон дворца лился яркий свет, а мужчина стоял спиной к нему так, что его лицо утопало во тьме, видно было только, что на нём маска. Длинный плащ, воротник из перьев хищной птицы и огромный клюв. Он был высок – выше неё на голову. Огромен. И стоял так близко, что между ними было не больше двух локтей. Как он подкрался так тихо? Кайя невольно отступила на шаг назад, к воде. Посмотрела незнакомцу в лицо, сиюсь разглядеть, кто же это?

Это же карнавал, милая, здесь творятся разные дела!

Как некстати вспомнилось предостережение Маргаретты. Все кругом пьяны, а под маской можно скрыть, что угодно.

И зачем она ушла так далеко!

Перья его воротника, жёсткие, узкие и длинные, торчали вверх, напоминая веер из кинжалов, а огромный жёлтый клюв выглядел зловеще. Что-то было страшное в этой маске и в его фигуре, и в тихом голосе. У Кайи пересохло в горле, ноги налились тяжестью, а сердце забилося так сильно, что его удары оглушили.

– Почему ты здесь одна и говоришь с кустами, красавица? Почему вместо того, чтобы принимать комплименты и вальсировать с женихами, ты прячешься в темноте? – негромко спросил человек в маске.

Он стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и нужно было что-то ответить, но что Кайя могла сказать?

– Мне... лучше здесь, – с трудом выдавила она из себя, теребя в руках свою маску.

– Тебе не нравится бал?

– Нравится.

– Ты не любишь танцевать? – спросил он снова. – Или тебе не с кем? У тебя нет пары?

– Люблю. Вернее, нет. И пары... да. У меня есть жених, – пробормотала сбивчиво, делая ещё полшага назад. – Я помолвлена.

– Красивое кольцо. Хм, и где же твой жених? – спросил незнакомец требовательно.

– Уехал.

– Поэтому ты не танцуешь?

– Да, и поэтому тоже.

– Ну, это можно поправить. Раз твой жених так глуп, что бросил тебя здесь одну – я приглашаю тебя на танец. Девушкам на балах полагается танцевать.

– Но я вас не знаю, милорд. И ваша маска...

– Тебя смущает моя маска? Но это же маскарад... Маски для того и нужны, чтобы никто никого не узнал. Как тебя зовут, девушка, говорящая с кустами?

– Кайя.

– Кайя... Кайя... Айяаррское имя. Но'ohaali на'au Khaaja. Скромная, как ромашка. Ты знаешь, как оно переводится с айяарр? Кайя – это ромашка.

С айяарр... Откуда он знает айяарр?

– Откуда вы...

Страшная догадка мелькнула в голове.

Беги, Кайя, беги!

Но ноги приросли к граниту берега.

– Откуда я знаю? – в его голосе прозвучала насмешка.

Кайя хотела вдохнуть поглубже, но жёсткие пальцы корсета впились в грудь, не давая восклицанию ужаса вырваться наружу. Только пальцы стремительно холодели.

Беги, Кайя, беги! Он – чудовище...

Шептали травы и деревья.

Он убьёт тебя!

Где же они были раньше!

Чудовище из Лааре. Самый страшный Зверь. Неуловимый враг её отца. Колдун. Убийца.

И вот он стоит перед ней.

Танцевать с ним? О Боги! Только не это! Каждый, кто прикоснётся к чудовищу из Лааре, сам станет чудовищем! Он её убьёт! Разорвёт на тысячу кусков, как тех людей в Брохе! Никто не может увидеть чудовище и остаться живым!

Мысли путались в её голове, смешав всё то, что она слышала о лаарском звере и видела сама в один причудливый клубок, они неслись, как горный сель, смывающий все на своём пути. Оставляя за собой только одно желание – бежать!

– Вижу, ты уже и так поняла, откуда я всё это знаю, маленькая веда, – голос его стал глуше. – И всё-таки... танец?

Он протянул руку ладонью вверх. Но Кайя не шевельнулась.

– Ты же знаешь, что здесь никому нельзя отказывать в танце?

Но ей было всё равно. Она хотела броситься вниз по аллее в глубину парка, хотя и понимала, что он её догонит, если захочет, но в это мгновение разум ей отказал, осталась только паника. Она сделала ещё один шаг назад и, неожиданно потеряв под ногами опору, полетела в ручей.

И если у неё ещё была толика сомнений в том, что под маской может быть просто человек, обычный гость карнавала, то теперь сомнения развеялись окончательно. Она не успела коснуться воды – он прыгнул и поймал её на лету, подхватив одной рукой, легко подбросил на берег и поставил на ступеньку лестницы. Ни один человек не смог бы сделать такое.

– Не спеши топиться, красавица, это всего лишь танец, – его голос, низкий и насмешливый, казалось, прятал в своей глубине звериный рык, как набирающая силы гроза прячет в тучах глухие раскаты грома.

Она даже не подала руку, он сам её взял. Пальцы стали совсем ледяными, утонули в его огромной ладони, спрятанной в чёрную кожаную перчатку с серебряным узором и шипами.

– Ты не спросила, как меня зовут, – в голосе из-под маски прозвучала странная смесь иронии и угрозы.

– Я з-н-наю... кто вы, – слова превратились в заикающийся шёпот.

– Ну, конечно! Все знают о «чудовище из Лааре», – усмехнулся он презрительно. – Но я хорошо танцую, маленькая веда, да и этот милый клюв не так уж и страшен. Под ним не видно чудовища.

Ноги почти не чувствовали лестницы, Кайя дважды споткнулась, пока они шли к распахнутым дверям балльного зала. Но он не дал ей упасть, поддерживая за талию и локоть. Наверное, после его объятий у неё останутся синяки – таким твёрдым оно было. Музыка она тоже не слышала, потому что в ушах бился гулкий пульс.

Где же отец?! Где Маргаретта?! Почему никого нет вокруг, когда они так нужны!

Кругом смеялись и танцевали маски, мелькали пьяные люди, и никому не было до неё дела. Она хотела закричать, но перед глазами встала картина, увиденная ею в Брохе, в той лавке. Что будет, если она позовёт на помощь? Он просто убьёт их всех, ведь на карнавале ни у кого нет оружия!

Ах, если бы Дарри был здесь!

В зале света было больше. И она смогла немного разглядеть своего спутника. Увидела под плащом чёрный бархатный камзол с рядами серебряных пуговиц, и чёрный шарф, намотанный на шею, закрывающий её полностью, скреплённый наверху под подбородком большой брошью-печатю.

Огромные руки в перчатках до локтя. Маска с жутким клювом, скрывающая всё лицо, оказалась совсем рядом. На голове возвышался гребень из перьев, и чёрные длинные волосы спускались из-под маски на плечи. Только сейчас Кайя поняла, зачем ему нужен этот плащ с множеством складок наверху и огромным воротником – они скрывали горб.

О Боги!

Она путалась в собственной юбке, наступала на ноги ему и кому-то – на подол платья, чувствуя, как колени подгибаются от ужаса. Иногда её ноги просто отрывались от пола, когда она в очередной раз хотела споткнуться о чей-то мчавшийся по полу кружевной шлейф – спутник поднимал её в воздух одной рукой, пропуская летящие мимо юбки. К концу танца в груди, стянутой ужасом и рёбрами корсета, совсем не осталось воздуха, а перед глазами поплыли жёлтые пятна. Каждый раз, когда его руки поднимали её вверх, она готова была потерять сознание, оказываясь к нему слишком близко. Или когда его волосы касались её щеки, а рука прижимала к груди её руку.

– Мне дурно, простите, – пробормотала она, стараясь изо всех сил держаться в сознании, – мне лучше присесть. Отпустите меня...

– Наверное, мне просто надо было взять тебя на руки, маленькая веда, тогда танец вышел бы получше, – ответил он, держа её почти на весу.

И не отпустил.

Пальцы Кайи впились в его плечо, она закусила губу, надеясь, что боль не даст ей упасть в обморок прямо посреди танца у него в объятиях, но она не почувствовала боли, лишь солоноватый привкус крови на губах. Ещё два поворота – и музыка стихла. Он отвёл её на террасу, держа под локоть, и усадил на мраморную скамью.

– Благодарю за танец, Кайя. Я бы поцеловал твою руку, но как видишь, в маске это сделать затруднительно... И у тебя кровь.

Он хотел коснуться пальцами её губ, но Кайя в ужасе отшатнулась. Вытерла прокушенную губу тыльной стороной ладони.

– Выпьешь со мной? – он протянул ей бокал вина.

Мир кружился перед глазами, и стало всё равно, что сейчас произойдёт. Кайя, как заяц, за которым гонятся охотники, и который, обезумев от страха, совершает сумасшедшие в своей смелости прыжки, оттолкнула его руку. Вино выплеснулось на его камзол, а она вскочила и закричала:

– Нет! Не трогайте меня! Я никогда не буду пить с вами! И танцевать! Я вас ненавижу! – и бросилась бежать обратно в зал, подхватив руками платье.

На пороге оглянулась, но он не погнался за ней. Его вообще не было. А там, где она сидела, осталась лишь перевёрнутая мраморная скамья.

Глава 9. Обмен

К ирмелинским холмам добрались на третий день.

Генерал взял с собой шесть верховых сопровождающих, а сам поехал в карете с дочерью. Стало гораздо прохладнее, чем в Рокне, но почтенная Маргаретта позаботилась о гардеробе Кайи, и сейчас тёплое платье, ботинки и плащ пригодились как нельзя кстати. С самого утра шёл дождь, мелкий и нудный, он делал и без того тоскливый ирмелинский пейзаж ещё более унылым. Вершины холмов скрылись в серых тучах, а вдоль дороги, среди жёлтых выбитых овцами лугов и скошенных полей, зеленела только лента реки, спрятанная в заросли плакучих ив, которых осень ещё не коснулась своей кистью.

Всю дорогу Кайя была молчалива, пыталась вязать, но петли то и дело соскакивали с крючка. Мастерница из неё не очень – любое рукоделие давалось с трудом. Мысли путались, перескакивая с одной на другую, и будто вслед за ними, непослушный крючок так и норовил выскользнуть из рук. События последних дней перевернули её жизнь с ног на голову.

Она никому не сказала о том, что произошло на маскараде. Хотя, когда бежала с террасы, обезумев от страха, то хотела найти отца и рассказать всё ему. Но генерал был у королевы, и здравый смысл возобладал – врываться с воплями в королевскую ложу было бы глупо. А потом понемногу страх отступил. И, поразмыслив, она решила никому не говорить о том, что произошло. Ведь это ничего не изменит, не стоит попусту волновать отца. Послезавтра они уезжают, и, быть может, это будут последние их три дня вместе. Так зачем наполнять эти дни разговорами о чудовище?

Генерал, конечно, видел, что дочь сама не своя, но списал это видимо на предстоящее замужество, девушки ведь всегда волнуются накануне свадьбы, и не стал приставать с расспросами.

В тот вечер, когда они вернулись с маскарада, Кайя закрыла в своей комнате ставни, зажгла свечи, молилась истово и долго всем: человеческим богам и богам вед – всем, кто слышит её молитву. В Обители приходилось ходить в Храм каждое утро и вечер, святой отец читал им проповеди о добродетели и заставлял стоять на коленях. А когда она работала с Наннэ, то всякий раз слушала её молитвы – красивые и протяжные, похожие на песни её матери, и рассказы о богах вед. И как-то в сознании маленькой Кайи они сплелись вместе – и наставления святого отца в Храме, и молитвы Наннэ, и боги их были для неё равны, и места хватало всем, как в большой семье: Астред Всевидящий Отец и Мирна-Заступница, Святая Миеле – Мать Всеблагая и Дуарх-Проказник. Всем им она молилась и в этот вечер. И молитва её была проста – пусть Дарри поймает, наконец, чудовище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.